

Татяна
ТРОНИНА
Фата из дождя

Татьяна Трoнина

Фата из дождя

«ЭКСМО»

2009

Трoнина Т. М.

Фата из дождя / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2009

Валя, задумчивая женщина с русалочьими глазами, планировала всю жизнь просидеть среди пышных книг библиотеки – муж неплохо зарабатывал, детей у них не было. Но тут вдруг случилось то, чего она меньше всего ожидала: ей повстречался Ванечка – тот, кто был ее первой любовью, обещал жениться, но променял ее на дочь успешного адвоката... Мир перевернулся, и Валя поняла, что восемнадцать лет жила, не зная любви, ярких эмоций, счастья... Однако предавший один раз предаст и другой. Кто забывает об этом, тот жестоко страдает. И страдания накрыли Вaлю с головой: обманул ее не только Вaня, но и муж, и лучшая подруга. Что остается – топиться? Но Валя не дала потопить себя разочарованию и горю. Назло всему она поплыла против течения...

© Трoнина Т. М., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татъяна Трoнина

Фата из дождя

Татъяна
ТРОНИНА
Фата из дождя

Часть первая

Восемнадцать лет назад

– Ты веришь в вечную любовь?

– Как это?

– Ну, когда два человека любят только друг друга – до самой смерти...

– Не знаю. У тебя, Валька, голова всякой ерундой забита!

– А ты, Лида, ужасно скучная!

Подруги замолчали. Едва шелестели листья в саду.

– Ненавижу май, – наконец сказала Лида, болтая ногами. – По-моему, даже зимой так холодно не было.

– Это потому что сирень цветет, – заметила Валя и легла на скамейку, на которой только что сидела. – Небо такое синее-синее, даже глаза режет...

– Солнце яркое.

– Нет, небо, – упрямо ответила Валя, прикрывая глаза рукой. – Лидка, ты что после школы делать будешь?

– Не знаю, – пожала плечами Лида и тоже легла на скамейку рядом с подругой – валетом. – Еще целый год можно думать.

– Чего думать – надо уже институт выбрать и на подготовительные курсы ходить, – пробурчала Валя.

– С ума сошла – институт! – захохотала Лида. – Да с этим высшим образованием с голоду загнешься! Вон моя мать – медицинский закончила, а что толку? Если бы не благодарные пациенты...

– Слушай, я тут в «Огоньке» читала, что на Западе есть карманные телефоны. Ну, типа, кладешь его себе в карман и идешь куда угодно. Без проводов. Работают вроде радиоприемника на батарейках...

– Да, я тоже про это слышала, – откликнулась Лида. – Наверное, очень удобно. Проклятые капиталисты, все-то у них есть! Вот ты, к примеру, ушла куда-нибудь, – то ли на речку, то ли в лес, то ли к автолавке поперлась, – а я тебе звоню и говорю: «Пирогова, ты где?»

– А я тебе отвечаю: «Лаптий, как ты мне надоела, прямо уж в печенках у меня сидишь!»

– Ты мне так грубо ответишь? – возмутилась Лида. – Мне, своей лучшей подруге?

– Нет, щучу, конечно, – толкнула ее Валя. – Ты читала братьев Стругацких?

– Честно? Нет.

– А я – да. Мне очень понравился «Пикник на обочине» и еще это... Господи, совсем старая стала – забыла название! Ну, в общем, там про одного рыцаря в Средневековье. Только он никакой не рыцарь, а из будущего с нашей планеты и наблюдает за другой планетой, где еще Средневековье и очень жестокие нравы... Его зовут Руматой – Руматой Эсторским. Якобы там он вельможа, и он очень любит девушку одну, но все кончается ужасно трагически...

– Нет, ты только не рассказывай, если трагически! – сморщилась Лида и прижала ладони к ушам. – Я плакать тогда начну...

– Ладно... – вздохнула Валя. – Лаптий, а это что? Какие туфли! Я только что заметила... В «Березке», что ли, оторвала?

– Валь, какая еще «Березка»! – всплеснула руками Лида, но даже невооруженным глазом было заметно, что она очень горда своими новыми туфлями. – Это обычные чешские, фирмы «Цебо». Мать в ГУМе купила – зашла случайно, после работы, а там дикая очередь, часа на два. Взяла две пары – на себя и на меня. Симпатичные?

– Очень! – горячо воскликнула Валя. – Я бы от таких не отказалась...

– У тебя тоже ничего, – великодушно заметила Лида. – Вон и цвет какой эффектный...
– Сравнила – «Талдом» и «Цебо»! – замахала руками Валя. На ней были матерчатые тапочки ядовито-розового цвета с плоской серой подошвой.

– Зато у тебя волосы, – сказала Лида.

– Что – волосы?

– У тебя волосы хорошие – длинные, густые, и все такое... У меня на голове, правда, тоже не три волосины, но зато не такие длинные.

– Зато мои не вьются, – с раздражением дернула себя за кончик волос Валя.

– Так сделай «химию»!

– Ага, «химию»... Маман будет вопить, что я облысею от нее и что она в моем возрасте... Лучше не связываться, словом.

– Она у тебя строгая.

– Она не строгая, она просто всего боится. На самом деле! Боится, что я получу двойку в году, что не сдам выпускные, что не пройду вступительные, что рано выйду замуж за какого-нибудь дурака, что перебегу улицу на красный свет и меня переедет грузовик, что меня укусит бешеная собака, что в лифте на меня нападет маньяк, что я испорчу зрение, если буду долго сидеть перед телевизором... – затараторила Валя с выражением тоски на лице.

– Все ясно! Обычная маман. Хотя при чем тут бешеная собака?

– Я не знаю при чем, но она у каждой псины, проходящей мимо, находит признаки бешенства! – захохотала Валя.

– Девочки, обедать! – закричала из-за кустов расцветающей сирени Клавдия Петровна – мама Вали. – Ау, где вы там...

– Идем? – спросила Валя.

– Идем... А что у вас сегодня?

– Форель по-царски и куропатки в винном соусе... Слушай, Лаптий, ты чего привередничаешь?

– Я не это, я просто... Ладно, не издевайся, я же иду!

Они по очереди, чуть пригнувшись, прошли сквозь арку из цветущих деревьев. Лида была невысокой, с вьющимися светлыми волосами до плеч, хорошенькая, с родинкой в углу губ. Валя чуть выше, тоньше и напоминала бы мальчика-подростка, если бы не длинные темные волосы, которые спускались почти до талии. Они обе кутались в длинные шерстяные кофты, спасаясь от майских холодов.

Участок у Пироговых был большим, заросшим всевозможными кустами и плодоносящими деревьями. Обедали обычно на открытой веранде.

На старом большом деревянном столе лежала белая льняная скатерть, съежившаяся от многочисленных стирок. Тарелки, вилки, ложки, большая фарфоровая супница, сахарница и солонка – все стояло в соответствии со строгим этикетом.

– Как у вас красиво всегда, Клавдия Петровна! – заметила Лида. – У нас гораздо проще. Ну да вы знаете...

– И правильно! – мстительным шепотом заговорила Валина мама. – Все люди как люди, одна я эти паршивые скатерти кипячу, хотя условий здесь, между прочим, никаких! Все он... – она кивнула в сторону двери. – Тоже мне, придумал китайские церемонии... Арсений Никитич! – позвала она уже в полный голос. – Вас ждем!

Подруги уселись ближе к перилам, толкая друг друга локтями и коленями и непрерывно хихикая.

– Лидочка, как мама? – спросила Клавдия Петровна, разливая по тарелкам щи, в которых плавали капуста и бледные волокна мясной тушенки.

– Вечером обещала к вам зайти, – примерным голосом произнесла Лида. – Ой, если это мне, то больше не наливайте... и капусты поменьше, я ее не очень... Добрый день, Арсений Никитич!

К столу вышел Валин дедушка. Ему было уже за семьдесят, но он выступал прямо, со сдержанным достоинством, опираясь на легкую бамбуковую палочку с ручкой в виде оскалившегося дракона. Клавдия Петровна утверждала, что ее свекор ходит с этой палкой исключительно из пижонских соображений, а на самом деле она ему вовсе и не нужна.

– Добрый... Ну-с, что у нас пишут?.. – за столом Арсений Никитич любил читать газету.

– Ненавижу капусту! – прошептала Лида едва слышно. – Больше не буду у вас обедать, Валька! Меня от нее тошнит... Лучше бы ко мне пошли – у нас макароны с сосисками.

– Ты просто зануда! – шепнула в ответ Валя, вылавливая из супа волокна тушенки и аккуратно складывая их на тарелочный бортик.

– Я не зануда, я ненавижу капусту!!!

– О книжной мафии пишут, – ответил сам себе Арсений Никитич, шелестя газетой. – Вот беда... Торгуют по договорным ценам.

– Значит, по завышенным? – вздохнула Клавдия Петровна.

– Естественно. Томик Александра Дюма стоил три рубля, теперь все сорок пять.

– Неужели сорок пять? – ужаснулась та.

– «Энциклопедия домашнего хозяйства» стоила шесть рублей, теперь дешевле пятидесяти пяти и не найдешь. «О вкусной и здоровой пище» – с шести пятидесяти до сорока пяти цена поднялась.

– И куда Горбачев смотрит... – печально вздохнула Клавдия Петровна. – Нет, папа, вы нам больше этих газет не читайте. Давайте я вам второго положу...

На второе была чуть подгоревшая морковная запеканка, щедро политая деревенской сметаной.

– Морковная? – прошептала Лида, побледнев. – Я сейчас умру...

– И я! – согласилась Валя.

– Чего вы там шепчетесь? – спросил дедушка, отложив газету в сторону. – Запеканку не любите? Это зря... В моркови находится полезное вещество – каротин, необходимый для улучшения зрения. Вот, помню, в пятьдесят седьмом году, когда мы ходили на «Садко» по Баренцеву морю...

– Дед был гидрологом, – пояснила Валя, довольно невежливо перебив Арсения Никитича. – Дед, объясни Лидке, что это такое – она темная...

– Лидочка – темная? – недоверчиво покачал головой тот. – Не верю... Прелестные светлые волосы! Лида, это у вас свой цвет, или вы им обязаны какому-нибудь химическому составу?

– Чему? Нет, у меня с детства такие волосы... – рассеянно ответила Лида, страдая над запеканкой. – Так что же это – гидролог?

– Гидрология есть наука о воде...

– Наука о воде? – удивилась Лида. – Ничего себе... Целая наука! Я думала, все гораздо проще: аш два о – да и только.

Валя, нагнув голову к столу, тихо смеялась. Она сто раз слушала рассуждения деда о его профессии.

– Лидка, молчи! – прошептала она сквозь смех. – Молчи, ничего не спрашивай! Он сейчас тебя до смерти заговорит...

– А может, мне стало интересно, – прошептала Лида в ответ. – Значит, гидрология – это наука о воде? – обратилась она опять к Валиному дедушке. – И чего дальше?

– Да... так вот, она изучает природные воды и процессы, в них происходящие, – с удовольствием продолжил Арсений Никитич.

– А что такое «природные воды»?

– Океаны, моря, реки, озера, водохранилища, болота, почвенные и подземные воды! – выпалила Валя, хорошо знавшая тему.

– Совершенно верно, Валентина, – кивнул дед. – Клавдия Петровна, будьте любезны, налейте-ка мне чаю... А гидрология, в свою очередь, разделяется на океанологию и гидрологию суши.

– Про океан и все такое... это понятно, – сказала Лида. – Но при чем тут суша?

– При том, что на суше тоже есть вода! – нетерпеливо воскликнула Валя. – Реки, озера и прочее. Наука о реках – потамология, об озерах – лимнология. Ну есть еще и болотоведение в придачу!

– Серьезно? – удивилась Лида.

– Мировой океан есть целостный планетарный объект, в котором происходят сложные процессы, – вдохновенно продолжил дедушка. – Теоретически, конечно, водные ресурсы неисчерпаемы, потому что они непрерывно возобновляются в процессе влагооборота. Однако потребление воды растет такими темпами, что во многих странах ощущается недостаток водных ресурсов, который усиливается с каждым годом...

– Ага, понятно, – кивнула Лида, ковыряя остывшую запеканку. – Только вы мне скажите, Арсений Никитич, к чему все это?

– Я, например, по молодости плавал в Баренцевом море и занимался также гидрографией, – сказал Арсений Никитич. – То есть составлял карты подводных течений. Если их не знать, то ни одно судно не пройдет там просто так... Потом осушал болота. Знаете, Лидочка, гидрология изучает многие процессы, от которых зависит жизнь человека. Например, как река поведет себя во время паводка, какой максимальный и минимальный расход воды может позволить себе человек, сроки вскрытия и замерзания рек...

– Очень, очень интересно! – горячо воскликнула Лида, потихоньку вылезая из-за стола. – Клавдия Степановна, спасибо, я наелась.

– В общем, мы пошли, – заторопилась за ней Валя.

Они опять углубились в кусты сирени.

– Меня сейчас стошнит, – пожаловалась Лида.

– Надо немного привыкнуть к маминой кухне, – уныло произнесла Валя. – Знаешь, она помешана на здоровой пище. Ну, чтобы все было полезное и с витаминами...

– А дед твой ничего. Прикольный.

– Да, он очень хороший. Правда, иногда достает с этой водой... Когда в доме, например, течет кран, он бежит срочно вызывать водопроводчика, чтобы, знаешь, ни одной лишней капли не вытекло. Он всю жизнь в экспедициях провел, и только когда на пенсию вышел, лет семь назад, стал дома жить. Но к нему до сих пор всякие люди приезжают, советуются по разным вопросам...

– Вода... – пробормотала Лида, перешагивая через небольшую лужу на скользкой земле. – Вот она, вода... Все просто и сложно одновременно. Слушай, Пирогова, пошли ко мне – чего макаронам зря пропадать!

– Хорошая мысль... Только у меня есть предложение получше... – и Валя жестом фокусника достала из широкого кармана кофты шоколадную плитку.

– Боже мой, «Аленка»! – обрадовалась Лида. – Откуда такой дефицит? Валька, я уже сто лет ее не пробовала...

Они сели на широкую скамью и разломали плитку пополам.

– М-м, блаженство... Обожаю тебя, Пирогова! – застонала Лида, впиваясь зубами в мягкий шоколад.

– Как просто тебя подкупить, – усмехнулась Валя.

– Ничего не просто!

* * *

Через два дня пронзительный майский холод ослабел, и синее небо, на которое невозможно было смотреть, не щурясь, словно опустилось ниже, сделалось мягким, приветливым. Белокурые легкие облака поплыли над горизонтом, нагоняя тень на сады.

Купаться в речке Иволге было еще рано, а в лес Валю с Лидой совсем не тянуло. Их шестнадцать лет были тяжелым бременем для них, с одной стороны, их еще держало в плену детство, а с другой – они уже принадлежали юности. Неопределенный, странный возраст – как испытание...

Они сидели теперь на даче у Лиды и опять болтали ни о чем. Первая половина дня была прожита, теперь осталось преодолеть вторую.

– Такая тоска иногда нападает, – сказала Валя, покусывая травинку. – Вроде все в порядке, ничего страшного не происходит, а все равно – тоска. У тебя так бывает?

– Бывает... Завтра первое июня. Лето... – бездумно произнесла Лида и вдруг встрепенулась. – Ты слышишь?

– Что?

– Ну вот, тархтит... По-моему, это он.

– Кто? – заинтересовалась Валя и, опершись на невысокий забор, выглянула на улицу. По узкой разбитой дороге, поднимая пыль, медленно ехал «Запорожец». Лида была уже тут.

– Делай вид, что мы просто разговариваем и нам до них дела нет, – выпалила она.

– Да кто это? – удивилась Валя.

– Это Илья. Помнишь, в позапрошлом году он приезжал сюда? А в прошлом его не было... У него здесь тетка живет, Бэ Зэ.

– Какая еще Бэ Зэ?

– Господи, да баба Зина... Ну, Зинаида Марковна – в том синем доме, ближе к станции.

– Ах, это она! Все, теперь поняла... – обрадовалась Валя и приняла непринужденную позу, как будто ей не было никакого дела до того, что происходило там, на улице.

Желтый «Запорожец» был уже совсем близко. Краем глаза Валя увидела юношу за рулем с сосредоточенным, хмурым лицом. Даже со стороны было ясно, что «Запорожец» до невозможности мал для него.

– За рулем – Илья, да? – негромко спросила Валя. – Культурист какой-то... А рядом кто?

– Ой, это Ванька... Тоже недалеко от станции живет. Ты что, не помнишь? Мы в прошлом году с ним на Иволге рядом сидели, на берегу, он еще семечками нас угостил... А ты потом через два дня с матерью в Крым уехала...

– Нет, не помню. То есть про Крым помню, а про семечки... Странно. Почему ты его Ванькой называешь? Он местный, что ли?

– Нет, тоже из Москвы... Хотя имя у него дурацкое, деревенское какое-то, в этом я с тобой согласна, – пожала плечами Лида и отвела от Валиного лица прядь волос. – Ему, как и нам, шестнадцать. Ничего особенного... А вот Илья на первом... нет, уже на втором курсе какого-то там института. Ничего мальчик, да?

– Кто, Илья? – рассеянно спросила Валя. – Ну, в общем...

Этот взрослый, огромный, с выразительным мрачным лицом парень не произвел на нее никакого впечатления, зато Ваня показался ей чуть ли не принцем. Таких рисовали на старинных картинах – кажется, Валя видела похожий портрет то ли какого-то молодого декабриста, то ли героя восьмисот двенадцатого года, точно она не помнила... Светло-русые волосы, влажные на висках (наверное, ребятам там, в машине, было жарко), светло-серые серьезные и даже как будто печальные глаза, идеально правильный, классический затылок... «Валя и Ваня... – вдруг подумала она. – Как похоже звучит! Ваня и Валя... И почему я его не помню?..»

Машина проехала мимо и теперь с громким тархтеньем карабкалась вверх по разбитой улице. И в этот момент Иван обернулся и посмотрел Вале прямо в глаза – безразлично и вместе с тем удивленно.

– Могли бы и пригласить! Покататься... – возмущенно заметила Лида, когда машина скрылась из виду в облаке золотой пыли. – У них, между прочим, были свободные места...

– Кто нас мог пригласить? Они? – удивилась Валя. – С чего это вдруг?

– А с того... Просто так! Ты сама подумай, Пирогова, – у нас в поселке, кроме нас, и пригласить некого!

– Вообще-то... а ты бы поехала? – с любопытством спросила Валя.

– Конечно! Я тут, можно сказать, со скуки помираю... А ты бы согласилась? Нет, если бы ты отказалась, я бы тоже не поехала, – решительно заявила Лида, энергичным движением бросив кофту назад, на скамейку. – Раздевайся, Пирогова, уже жарко, а мы все еще, как старые бабки, кутаемся! Я не понимаю, почему на даче принято ходить в этом рванье...

– Тебе нравится Илья? – спросила Валя, тоже бросая свою кофту назад. На ней был короткий ситцевый сарафан с узором из васильков, и она плечами и голыми руками сразу же почувствовала солнечный жар, который лился сверху. – Как хорошо...

– Честно? Да.

– Он какой-то... ну... страшный. У него лицо очень мрачное.

– Господи, Пирогова! Он просто серьезный молодой человек. Ты сама подумай – у кого в его годы ты видела машину? Ну, конечно, это не «Волга» и не «Жигули», но для нашей местности все равно очень даже солидно!

– Ты права... А мне Ваня нравится, – неожиданно призналась Валя и засмеялась – она только что поняла это, и открытие удивило ее саму.

– Ну, на вкус и цвет, как говорится... – тоже засмеялась Лида. – Как тебе мой костюмчик, а? Черт, надо было сразу в таком виде здесь у забора встать! А теперь они уж ни за что не вернутся! Я думаю, мы им какими-то чучелами показались...

– Очень милый костюмчик...

На Лиде были юбка и рубашка из яркой красной ткани в мелкий белый горох.

– Ты вообще знаешь, на кого похожа? – воодушевленно добавила Валя. – На Мэрилин Монро. «В джазе только девушки» смотрела?

– А ты, а ты... Ой, я даже и не знаю, на кого ты похожа! – воскликнула Лида. – Знаешь... ты ни на кого не похожа, ты сама по себе – особенная! Валька, как же все хорошо!

– Ага, стоило проехать мимо старому «Запорожцу», и мы уже до потолка прыгаем! Лидка, они не вернутся.

– Ну не сегодня, так завтра, – беспшашно махнула рукой Лида. – Не завтра, так послезавтра... Еще целая куча времени до конца лета!

– Ты слышишь?

– Ой, правда... Они назад едут!

В облаке пыли медленно возвращался желтый «Запорожец».

– Привет! – высунулся в окно Иван, слегка краснея. – Скучаете, девушки?

Лида фыркнула и отвернулась.

– Скучаем, – просто ответила Валя. – А вы что, нам что-то интересное хотите предложить?

Она сама себе поразилась – надо же, как бойко она разговаривает с этими почти незнакомыми ребятами!

– Хотите прокатиться? – серьезно спросил Илья, наклоняясь вперед.

– Хотим, – сказала Валя. – А вы куда?

– Да мы просто так, никуда. Хотите, сами маршрут придумайте, – сказал Иван. Он нравился Вале все больше и больше.

– До пруда, может быть? – глядя в сторону, незнакомым жеманным голосом произнесла Лида.

– Можно и туда...

В заборе одна из досок отходила – отведя ее в сторону, подруги вылезли на улицу. Ваня вышел, откинул кресло, на котором сидел, вперед, чтобы девушки могли залезть на заднее сиденье.

– Прошу...

Машина, тарахтя, поехала вперед.

– Я Илья... – представился «культурист». – А это Иван рядом. А вы вроде как Люда и Валентина?

– Не Люда, а Лида. Лидия... – поправила Лида небрежно. – А быстрее нельзя ли?

Первое время они совершенно не знали, о чем говорить. Потом смущение потихоньку исчезло, но говорили в основном только Валя и Ваня. Лида напряженно молчала, глядя с загадочным видом в окно, а Илья, судя по всему, особой разговорчивостью не отличался.

– Девчонки, а вы меня, что ли, не помните? В прошлом году, на Иволге...

– Да-да, ты нас семечками угощал! – засмеялась Валя.

– А вы давно здесь?

– С двадцать шестого... А вы?

– Мы со вчерашнего дня... Илья вот, правда, ненадолго – через три дня ему экзамены сдавать...

– Пятого июня вернусь, – вдруг вставил Илья. – А потом девятого опять в Москву уеду... Всего четыре экзамена. Туда-сюда, надоело уже...

– А почему бы в Москве не остаться? – спросила Лида. – Так же гораздо удобнее.

– В Москве обстановка не та, – сдержанно произнес Илья, глядя на дорогу. – Особо не позанимаешься...

– Почему? – заинтересовалась Лида.

Поскольку Илья промолчал, за него ответил Иван:

– Две малогабаритные комнаты и младшая сестра, у которой зубы режутся.

– Младшая сестра? – удивилась Валя. – Какая большая разница в возрасте у вас!

– Ну и что, – пожал плечами Илья и добавил чуть презрительно: – Родителям захотелось. На старости лет...

Опять помолчали.

– На кого ты учишься, Илья? – спросила Лида.

– На историка. Истфак...

– Что такое истфак? – переспросила она. – А, поняла – исторический факультет...

– А музыка у вас в машине есть? – оживилась Валя. – Вон же магнитола... Что, не работает?

– Почему же, очень даже работает... – солидно произнес Илья. – Иван, поставь что-нибудь.

– «Модерн Токинг»! – закричала возбужденно Валя. – Есть у вас? О, его, Иван, пожалуйста!..

Магнитола не сразу проглотила поцарапанную и склеенную кассету.

– Класс... – пробормотала Лида, откидываясь назад, на пыльную плюшевую спинку сиденья. – Обожаю эту песню.

– Даже можно погромче, – с удовлетворением произнесла Валя.

– Курите? – спросил Илья и, не оглядываясь, протянул назад пачку сигарет.

– Нет! – испугалась Валя. – Тут знакомых полно, увидят, маме скажут... а она мне, между прочим, уже несколько раз про рак легких рассказывала...

– Господи, Пирогова, ты прямо детский сад какой-то на выезде! – возмутилась Лида. – Да кто увидит-то? Вон тут лес сплошной кругом... Дайте мне.

Ловким движением она вытащила сигарету из пачки и закурила – зажигалка лежала тут же, на заднем сиденье.

Иван подмигнул Вале:

– А мы с тобой самые правильные!

Илья, зажав в пальцах дымящуюся сигарету, ожесточенно крутил руль. Дорога была неровной, в ухабах и рытвинах, и старенький «Запорожец» с трудом преодолевал их.

Заливался Томас Андерс, пахло табаком и лесом, и почему-то Вале стало очень хорошо, хотя она совершенно не выносила сладковатого дыма этих болгарских сигарет. Может быть, так хорошо было потому, что они ехали с Лидкой в машине, играла ее любимая музыка, а впереди, полуобернувшись, сидел Ваня, похожий то ли на молодого декабриста, то ли на воина восьмьсот двенадцатого года?

Наконец впереди показался пруд.

– Приехали! – сказал Илья.

«Запорожец» чихнул и остановился. Иван помог девушкам выбраться из салона.

– Вообще-то, это не пруд, а озеро, – сказала Валя, подходя к берегу. – Мне дед рассказывал, только я забыла, почему это именно озеро...

– А что, есть разница? – удивилась Лида, садясь на поваленное дерево. – Мальчики, можно еще сигаретку...

– Конечно! – горячо воскликнула Валя. – Разница очень большая! Только я забыла, какая именно... Ой, Лаптий, сколько же можно курить, ты прямо меня всю продымила... Если мама заметит, то это будет конец – еще одну лекцию про рак легких я не выдержу!

– А как этот водоем называется? – спросил Илья, тоже садясь на дерево.

Теперь Валя разглядела его лучше – он был высокого роста, атлетического телосложения и, кажется, действительно интересный. Во всяком случае, Валя теперь могла понять подругу, которой парень нравился. Темные, почти черные волосы прядями падали ему на высокий бледный лоб. Джинсы, выцветшая голубая футболка, на шее – было заметно – крест на потемневшей серебряной цепочке.

– Без названия, – пожал плечами Иван.

– Нет, название, кажется, есть, – вспомнила Лида. – Помню, кто-то говорил, что это Марьин пруд.

– Да, точно, я тоже про это помню! – подхватила Валя. – Как будто тут сто лет назад какая-то Марья утопилась. Ну, здесь раньше деревень вокруг много было...

– А отчего она утопилась? – спросил Иван, поворачивая к ней улыбающееся лицо.

«Валя и Ваня...» – опять кольнуло в ее сердце.

– Разумеется, от несчастной любви, – важно ответила она. – Она его любила, а он ушел к другой. Вот и утопилась.

– Дура какая, – с презрением произнесла Лида.

– Не дура, а сумасшедшая, – процедил сквозь зубы Илья. – Истероидная личность.

– Что? – не поняла Лида. – Ну, в общем, да, истеричка...

Вале вдруг по неизвестной причине стало жаль неизвестную Марью.

– А если она его так сильно любила? – насупилась она. – Мне кажется, нам этого не понять. Потому что мы все такие современные и много умных слов знаем... а любить не умеем.

– Господи, Пирогова... – Лида сделала вид, что зевает. – О чем ты. Это же совершенно неинтересно... Ребята, Валька у нас ужасно романтическая – у нее фантазия работает будь здоров! Такие истории иногда придумывает...

– Вы знаете еще, что про этот пруд легенда ходит, как будто в нем до сих пор русалка живет? – перебила подругу Валя. – Она, эта Марья, в русалку превратилась...

– Я оперу в театре смотрел. Похожий сюжет, – вспомнил Иван. – Там еще мельник был.
– Нет, это совсем другое... Вот послушайте... «Он, смеясь, ответил мне: «Встретимся в аду»... О глубокая вода в мельничном пруду, не от горя, от стыда я к тебе приду. И без крика упаду...» – угрожающе продекламировала Валя.

Илья с каким-то странным выражением, сквозь прищур, посмотрел на нее.

– Стихи? – усмехнувшись, спросил он. – Барышня знает стихи...

– Здорово! – с искренним восхищением произнес Иван. – Ты прямо как актриса... Слушай, ты, случайно, не в актрисы собираешься?

– Может быть, – покраснела от гордости Валя. – Это, в общем, Ахматова... Анна Ахматова.

– А дальше знаешь? – с интересом спросила Лида.

– Нет, дальше не помню...

– А русалки существуют? – снова спросила Лида, глядя на воду, подернувшуюся от ветра мелкой рябью. – Ой, какая темная, страшная вода! Не хотела бы я в ней сто лет просидеть! Бедная Марья... Скучно, наверное, там, в этом пруду – ни телевизора, ни газет, ни друзей...

– Одни караси вокруг плавают, – подхватил Иван, – и эти, как их там... пескари.

Они болтали обо всякой ерунде, пока солнце не стало опускаться за лес и Валя с Лидой не вспомнили, что им, в общем-то, пора обратно.

– Ладно, поехали... – сказал Илья, вставая с поваленного дерева. – Мне тоже этот пруд с русалками надоел.

– Мы к вам еще в гости заглянем, – пообещал Иван. – Вы не против?

– Нет, пожалуйста... – великодушно произнесла Лида. – Честно говоря, тоска зеленая на этой даче. Завтра? Еще куда-нибудь поедем!

– Да куда скажете...

Ночью Валя не могла заснуть. Она бесконечно прокручивала в голове этот день, как будто боялась упустить что-то важное. «Вот они проехали было мимо и остановились... Он высунулся из окна машины и сказал – привет! А потом сидел всю дорогу вполоборота и смотрел на меня. И улыбался. И там, на пруду, тоже улыбнулся, как будто ему приятно было смотреть на меня...»

За окном было уже давным-давно темно, но Вале не хотелось, чтобы этот день кончился. Она вылезла из-под одеяла и осторожно, чтобы не стукнули ставни, открыла окно. Где-то бесконечно далеко играла музыка, какая – даже не разобрать. Дивно пахло зацветшим садом.

«Хочу, чтобы он пришел завтра... Господи, кто же знал, что это будет такое замечательное лето! А я ведь не хотела ехать сюда, ныла: «Мама, мне так надоела дача, хорошо бы опять в Крым... А она отвечала: «Нет, Валя, денег мало, никуда мы не поедem, а тут свой огород, картошечка, клубничка... Нам некому помочь, папа умер, старенький дедушка, который не сегодня-завтра тоже помрет...» – «Нет, он совсем не старенький, ты сама говорила, что палочку дед завел только из пижонских соображений! – Все плохо, Валя, все едут из этой страны... Вон, слышала, Дина Краснер уехала в Америку... Ей-то хорошо, у нее там родственники, а мы с ней двадцать лет дружили, да не повезло, надо было нам родиться с какой-нибудь другой национальностью...»

Темный сад стоял неподвижно, лишь временами судорожным быстрым шепотом заходила листва, когда вдруг налетал ветер. Уже летний, без недавних ледяных, прилетевших откуда-то из Арктики струек...

«Как будто я влюбилась... Нет, так не бывает, с первого раза никто не влюбляется. Просто он мне сразу понравился. Он славный, милый... Ваня и Валя. Он такой хороший и добрый, что у него, кажется, вовсе нет недостатков. Ну да, у него нет недостатков!»

Белая кружевная занавеска трепетала у лица, щекавала висок, и Валя с раздражением отвела ее в сторону. Она вспомнила всех тех, кого любила когда-то, – мальчика из детского сада, чье имя уже забыла и помнила только, что волосы у него были рыжие, потом другого,

постарше, из параллельного класса, который в позапрошлом году переехал в другую школу, – они с ним целовались два, нет, даже три раза, и еще одноклассника, который ей нравился аж до Нового года – нравился, нравился, а потом разонравился непонятно почему, и уже было безразлично, идет ли он мимо по школьному коридору, смотрит ли вслед, пригласит или нет на дискотеке...

Потом она вспомнила про Лиду, про то, что подруге нравился Илья. Думать об этом тоже было приятно, потому что происходящее находилось в какой-то удивительной гармонии – Валя с Ваней, Лида с Ильей. Редко когда бывает все так удачно! Было бы неприятно, если бы Лиде тоже нравился Ваня, или наоборот...

Ставни стукнули друг о друга, и сразу в соседней комнате кто-то заворочался, босые пятки застучали по деревянному полу.

– Валя, ты не спишь? – трагическим шепотом спросила Клавдия Петровна, заглядывая к дочери в комнату.

– Не сплю, – сердито ответила Валя. – Не спится чего-то.

– А что ты у окна стоишь? Тебя продует!

– Ничего меня не продует, я просто свежим воздухом дышу.

– Воздухом? У тебя голова, что ли, болит?

– Нет, нет, нет...

С матерью спорить было бесполезно, поэтому Валя немедленно закрыла окно и легла в постель. Дверь закрылась, и босые пятки прошлепали в обратном направлении. Впечатление от дивного ночного сада, от воспоминаний о сегодняшнем дне было смазано...

* * *

Разбудили ее утром голоса на веранде. Голосов было два – ее мама говорила с мамой Лиды, Анной Михайловной. Они тоже были подругами – поскольку дачи находились рядом, и между ними даже существовала калитка, которая закрывалась на символическую щеколду.

«Господи, чем это они там гремят... – недовольно подумала Валя, натягивая одеяло на голову, но голоса все равно лезли в уши сквозь плотную шерстяную ткань. – Безобразие!»

– Раз сахара нет, Анечка, вари на ксилите.

– Клава, это же химия!

– Никакая не химия, наоборот очень диетично и полезно для организма! Кстати, предотвращает развитие диабета...

– Ладно, я подумаю. До тех пор, когда ягоды пойдут, еще куча времени!

Женщины продолжали греметь чем-то, обсуждая, каким способом варить варенье, и это показалось Вале невыносимо скучно.

– Анечка, может быть, кофе? У нас есть кофе, удалось достать несколько банок. Настоящий бразильский.

Анну Михайловну это очень возбудило, и она с воодушевлением и завистью произнесла:

– Хочу! Очень хочу, Клабочка! Что, прямо бразильский?

– «Касике».

– «Касике», какая прелесть!

– Шесть рублей банка. То есть сто граммов – шесть рублей.

– Они совсем озверели! – с негодованием произнесла Анна Михайловна. Кто «они», Вале было непонятно. Вернее, понятно – правительство, чиновники и прочие люди, которые закупали товары для страны, но почему нельзя было назвать конкретные фамилии?

По дому разнесся запах крепкого кофе – очень приятный, бодрящий... Валя любила этот запах, а сам напиток – нет. Кофе казался ей горьким. Запах и вкус – обманчивые обещания...

Валя перевернулась на другой бок и попыталась снова уснуть, но разговор за стенкой продолжал навязчиво лезть в уши.

– Вот интересно, а сколько там получают врачи? Я потому спрашиваю, Клава, что на те сто сорок рублей, которые мне платят, прожить совершенно невозможно. Сейчас вот дали отпускные – и крутись до конца лета, как хочешь. Если бы не дача...

– Я тебе сейчас скажу, Анечка... Я недавно газету читала, и там прямым текстом было написано, что врач «Скорой помощи» в Америке получает двадцать пять тысяч долларов в год. А сосудистый хирург – сто двадцать пять. Тысяч долларов, разумеется. Тоже в год...

– Ну, значит, я, как терапевт, стоила бы там тысяч тридцать-сорок... Ладно, пусть даже тридцать, – с удовлетворением произнесла Анна Михайловна. – Это что же выходит – если в год тридцать тысяч, то в месяц...

– Тридцать на двенадцать – две с половиной тысячи долларов, – быстро подсказала Клавдия Петровна.

– А если пересчитать на рубли? – ошеломленно воскликнула ее подруга. – Сколько там курс? Один к четырем, один к шести?..

– Один к четырем – десять тысяч рублей, один к шести – пятнадцать.

– Пятнадцать тысяч... – Анна Михайловна поперхнулась кофе и закашлялась. – Ой, не могу... Пятнадцать тысяч! Нет, Клавочка, мы с тобой что-то напутали...

– Да ничего мы не напутали, я, слава богу, умею считать!

– Нет, точно напутали, потому что такого не может быть, чтобы врач получал в месяц пятнадцать тысяч рублей!

– Воля твоя, можешь мне не верить, но мы все правильно посчитали... – Голос матери приблизился к двери: – Валя, вставай там, сколько можно спать!

После завтрака Валя тщетно ждала, что вот-вот должно произойти что-то необыкновенное – появится Иван, и они опять, вчетвером, куда-нибудь поедут... Но утро было скучным, жарким, Лида отправилась в автолавку – а это надолго, – и, судя по всему, в ближайшее время никаких чудесных событий не должно было произойти.

– Прогуляемся, Валя? – предложил Арсений Никитич, спускаясь с крыльца. Да, палочка была ему явно ни к чему.

– Куда? – спросила она.

– Да куда хочешь...

Солнце припекало. Валя надела на голову широкую соломенную шляпу и сбежала вслед за дедом по ступеням.

– Пошли вон в ту сторону, – строго произнесла она. – Дед, нам надо именно в ту сторону!

– Ну надо так надо... Только не беги так, пожалуйста, я совершенно за тобой не успеваю.

Валю тянуло к тому месту, где они вчера были – словно там можно было поймать вчерашнее счастливое настроение. Солнце светило сквозь листву, вдоль дороги летали бабочки.

Дорога не показалась долгой. У пруда никого не было, стояла полная, абсолютная тишина – даже птиц не было слышно. И вчерашнего счастья (это вдруг стало очевидно) найти здесь было уже нельзя.

– Красиво здесь, – произнес Арсений Никитич, вытирая белоснежным платком вспотевшую круглую голову без единого волоска. – Только вот беда...

– Чего?

– Ты видишь, вон, на поверхности?

– Ряска эта? – наклонилась вперед Валя.

– Да. Сине-зеленые водоросли. Это плохо. Они живучие и неистребимые. Что называется, ни в огне не горят, ни в воде не тонут: легко переносят, например, температуру в восемьдесят градусов.

– Ого! – засмеялась Валя. – Это же почти кипятки!

– Да, детка... Возможно, это объясняется тем, что они возникли в струях кипящих гейзеров – сине-зеленые водоросли не нуждаются в кислороде и легко переносят сернистые соединения. Исчадия ада, по сути.

– А чем они плохи? Ну подумаешь, водоросли какие-то... – спросила Валя и бросила в воду камешек. По зеленой поверхности у берега стали расходиться круги.

– Во-первых, вода становится непригодной для питья. Во-вторых... – вздохнул Арсений Никитич, упираясь палочкой в пологий берег, – цветение, то бишь эвтрофикация, болезнь не только водоема, но и человека. Сине-зеленые водоросли выделяют мощные токсины, так что кожные поражения и аллергические заболевания у тех, кто захотел искупаться в таком водоеме, – наиболее легкие неприятности. Более опасно наестся рыбы, которая в нем живет. Токсины концентрируются в ее тканях... И главное – бороться с этой дрянью очень трудно: сине-зеленые чрезвычайно живучи! Если хочешь искупаться, иди лучше на Иволгу.

– Нет, там вода пока еще холодная, – покачала головой Валя.

«Если Иван не зайдет, то я могу встретить его у реки. Скоро там весь дачный поселок будет, на берегу. Надо же, он запомнил, как угощал нас с Лидкой семечками... Боже мой, у меня же такой купальник старый! – вдруг обожгла ее мысль. – Был синий, а сейчас какой-то... неопределенный, серо-голубой стал. Хм, серо-голубой... но все-таки лучше, чем сине-зеленый!»

– Химией бы этот пруд какой-нибудь посыпать... – задумчиво пробормотала Валя.

– Ха, гербициды! Химия... – с азартом перебил Арсений Никитич. – Это не спасение. После гербицидов в воде тоже остаются токсины. Вымирает вся флора и фауна.

– Русалка, похоже, здесь давно подохла! – вздохнула Валя и подставила лицо солнцу. – Ой, как светит, прямо даже в носу щекотно!

– Какая еще русалка? – удивленно спросил Арсений Никитич, сбитый с толку.

– Здесь была русалка, – терпеливо объяснила ему Валя. – Женщина с хвостом. Но теперь, после твоих слов, я убеждена, что она давным-давно подохла. Я бы сказала – умерла, но ведь про животных и рыб говорят, что они подохли. Я права или нет?

– С филологической точки зрения, в общем, кажется, это верно, хотя... – растерянно забормотал Арсений Никитич. – Валя, какая русалка? – спохватился он. – Ты серьезно? Ты в это веришь? Ты, моя внучка? Да я, можно сказать, все реки и моря облазил и нигде никаких русалок с хвостами не встречал! И потом, ты же комсомолка...

– Ну и что? – легко возразила Валя. – Сейчас все в комсомоле. У нас в классе две девочки – комсомолки, а в бога верят. И что с того? Сейчас же не старые времена, дед... Сейчас, наоборот, очень модно во все это верить. Что и бог есть, и снежный человек, и Бермудский треугольник, и привороты, и заговоры, и Фреды Крюгер... Мы с Лидкой зимой к одной девочке ходили, у которой есть видеомagneтофон, – смотрели про Фреды Крюгера.

– Какой еще Фреды? Ладно, с комсомолом я погорячился... Но уверяю тебя, русалок не существует! – Арсений Никитич уронил палочку. Валя моментально ее подняла – резной улыбающийся дракон ухмыльнулся ей в глаза, разинув зубастый рот. – О, спасибо!..

– Ладно, я тоже так думаю. Русалок нет. Но вот представь себе историю... Сто лет назад жила одна женщина. То есть девушка, потому что она была очень юная и мужа у нее еще не было... И она полюбила одного человека. Он ее тоже как будто любил. Ну, во всяком случае, она очень хотела в это верить...

На Валу снизошло вдохновение – такое с ней часто бывало. Истории начинали сами возникать в ней – с подробностями и деталями, словно она была свидетельницей тому, о чем рассказывала.

– Какая девушка? – спросил Арсений Никитич, не отводя взгляда от воды.

– Довольно-таки симпатичная. У нее были длинные волосы, которые она любила держать распущенными, и когда она бежала, например, то они развевались по ветру. Вот так... Глаза у нее были зеленые, цвета недоспелого крыжовника.

– Как у тебя, ты хочешь сказать? – усмехнулся дед.

– Нет, у меня не совсем зеленые, у меня такие... зеленовато-коричневые. Болотного цвета – вот! А у нее были зеленые. И она умела так любить, как никто и никогда. Про своего парня она думала, что они до конца жизни будут вместе и что все будет прекрасно и хорошо... Она встречалась с ним, пела песни, говорила какую-то чепуху – знаешь, когда люди влюблены, они всегда несут какую-то чепуху, потому что словно шалеют от счастья. И она вовсе не ожидала, что парень бросит ее. А он ее бросил... Ты спросишь, почему? Я тебе отвечу, хотя на самом деле это не важно. Просто – бросил, и все. То ли нашел другую, то ли еще что-то случилось... А она с горя пошла и утопилась в этом пруду. И стала русалкой. Она жила в темной, холодной воде – вокруг были только водоросли и рыбы, и так невыносимо скучно было ей жить в мутном водяном мире... А потом...

– Что же было потом с русалкой твоей? – с усмешкой спросил дедушка. – Появились рабочие и спустили пруд?

– А ты все смеешься! Нет, рабочие тут ни при чем. Он... Ну, парень той девушки... пришел к пруду и сказал: «Вернись, я поступил очень плохо...» Он так и сказал: «Вернись, Мария (ее, кстати, звали Марией, русалку эту), я только тебя люблю!» Она его услышала даже сквозь толщу воды. Вздрыгнула, посмотрела зелеными глазами наверх – туда, откуда сквозь водоросли пробивались солнечные блики, ударила хвостом и поплыла вверх. Там был он, на берегу. Тот, который звал ее. Сначала, конечно, он испугался, увидев, какая она стала – совсем зеленая, и хвост у нее такой серебристый, с крупной чешуей, словно у зеркального карпа... А потом понял, что это все равно она, прежняя. Он протянул к ней руки и...

Валя замерла, закрыв глаза и вытянувшись в струну, словно эта драматичная картина была сейчас у нее перед глазами.

– Что же дальше? – с любопытством спросил Арсений Никитич.

– А дальше она утащила его под воду, – глухим, замогильным голосом произнесла Валя. А потом открыла глаза и засмеялась. – Закон жанра, что ты хочешь! Она, Мария эта, уже не могла жить на суше, и поэтому ей только одно и оставалось – утащить своего возлюбленного под воду.

– Господи, Валя, ну и фантазия у тебя...

– Знаешь, Лидка говорит, мне надо в писатели. Я всяких историй могу придумать – хоть сто штук подряд. Ты согласен, дед? Подаваться мне в писатели?

– В писатели... – пожевал губами Арсений Никитич. – Ну не знаю... Ты вот почитай «Новый мир», «Знамя» там или «Юность»... Разве о том писатели пишут? Какое отношение твоя русалка имеет к социалистическому реализму?

– Ну ты сказал! – Валя захохотала, словно сумасшедшая, и от смеха даже упала на траву. – Соцреализм... Да кому он сейчас нужен...

* * *

Лида увидела его издалека – он шел вдоль длинного забора, возвышаясь над садово-огородной растительностью. Высокий и безумно красивый. Больше всего Лиде нравилось, что он такой серьезный, даже мрачный всегда. В этом было что-то демоническое, inferнальное... «Демоническое» и «инфернальное» – любимые слова учительницы по литературе, когда она рассказывала о Достоевском. Лида не до конца понимала значение этих слов, но ей казалось, что они очень подходят к Илье.

Она вся поджалась и напряглась – один его вид заставлял ее трепетать и быть готовой ко всему, что угодно. Ей казалось, что она любит его давно, тысячу лет, с тех пор, как увидела в дачном поселке еще девчонкой. Они никогда не общались, а в прошлом году его здесь вообще не было, но сейчас словно неумолимая судьба начала сводить их. «Все, что угодно... все, что угодно для тебя сделаю!» – подумала она и холодно улыбнулась ему навстречу.

– Здравствуй, – сказал он, останавливаясь напротив. – Что, в огороде копаешься?

– Да, бесправный труд крепостных крестьян... – с иронией произнесла Лида.

– Барщина, значит.

– Да. Вам, историкам, виднее, как это называется.

– А подруга твоя где? Ну та, которая стихи декламирует... – спросил Илья, опираясь на невысокий штакетник.

– Валька-то? Я и сама не знаю... с утра ищу. Я из автолавки вернулась, а ее нет нигде, – пожал плечами Лида. – А где твой друг? Может, они вместе?

– Нет, Ванька на Иволге... Слушай, бросай ты свой огород, пошли тоже искупаемся, – предложил он.

От его предложения у Лиды мурашки побежали по спине, а в горле словно ком застрял, но она все-таки нашла в себе силы небрежно ответить:

– Что ж, неплохая мысль...

«Все, что угодно, для тебя сделаю!»... Солнце светило как сумасшедшее, и лопухи у дороги тянули к нему свои ладони.

– Так пошли!

– Подожди, я только руки вымою и переоденусь...

Она успела сделать все за пять минут. И даже намазала губы модной сиреневой помадой французского производства – матери подарила одна благодарная пациентка. И теперь из зеркала на нее посмотрела очень симпатичная самоуверенная девушка с задорной родинкой в углу губ. – Глаза, что ли, еще подвести? Рука потянулась к теням густо-голубого цвета, но она тут же отказалась от мысли о макияже: «Нет, это лишнее – если буду плавать, то все потечет...»

Лида вышла из калитки с перекинутым через плечо большим полотенцем.

– Классная помада, – сказал Илья, быстро взглянув на нее. – Тебе идет...

Они побрели по дороге в сторону речки.

– Стойте-стойте, вы куда! – вдруг раздался голос совсем рядом. Это была Валя – она мчалась им наперерез. – Привет Илья... Лида, вы куда?

– Пирогова, я тебя целое утро искала, – недовольно произнесла Лида. – Ты сама куда пропала-то? Вот что, бери купальник и иди на речку. Мы там все будем...

– Кто «все»? – удивилась Валя и слегка покраснела.

– Ну Иван еще там... Да, Илья?

– Да, – кивнул Илья, и темная прядь упала ему на лоб.

– Хорошо! – радостно кивнула Валя. – Идите, я вас догоню...

Она помчалась к своему дому – волосы сзади метались из стороны в сторону, одна тапочка соскользнула с ноги, и Валя, прыгая на одной ноге, начала искать ее в траве.

– Какая-то она чудная... – пробормотал Илья.

– Кто? Валька-то? – удивилась Лида. Они медленно шли по дороге, и Лида сейчас думала о том, что жизнь складывается исключительно удачно. – Она хорошая...

– Никто не спорит, что она хорошая. Только она все равно какая-то чудная... – с легким раздражением произнес Илья. Впрочем, это его раздражение никак не относилось к Лиде.

– Правда, есть немного.

– Как блаженная. Не понимаю таких...

– Как это – «блаженная»?

– Ну смеется все время, улыбается, стихи какие-то читает... – засмеялся Илья и, видимо, вспомнив вчерашнее, покачал головой. – Ужасно несовременная.

– Тургеневская барышня, да? Ну ничего, это у нее возрастное. Скоро пройдет, – снисходительно махнула рукой Лида.

– Наверное, пройдет, – пожал плечами Илья. – Только прежде жизнь как следует настучит ей по голове.

– Это всенепременно... Слушай, а тебе нравится Майкл Джексон?

– Спрашиваешь... Кому он не нравится! Номер один в мире. Хотя похож на чертика-дергунчика – у меня в детстве была игрушка такая...

– Интересно, а он приедет к нам на гастроли?.. – мечтательно произнесла Лида. – Если бы он приехал, я бы обязательно на его выступление постаралась попасть, любые деньги за билет заплатила бы! В прошлом году приезжал Билли Джоэл – просто супер...

– Может, когда-нибудь и Джексон к нам в совок приедет, – сказал Илья. – Только не скоро.

– Наверное...

На берегу, под ветвями склоненной ивы, они обнаружили Ивана – тот лежал с закинутыми за голову руками и, кажется, спал.

– Товарищ, проснитесь! – толкнул его Илья. – В городе белые!

Иван открыл глаза.

– Привет, Лида... Белые, говоришь? Н-да... А когда засыпал, были еще красные. Ребята, а где Валентина? Слушай, Илья, давай я сейчас за ней сбегаю... – Иван сел и принялся натягивать футболку.

– Стой, не суетись! – снисходительно остановила его Лида. – Она сейчас придет.

– Что, влюбился уже? – захохотал Илья. Когда он смеялся, он становился другим, непохожим на себя, и это тоже невыносимо нравилось Лиде.

– Да ну тебя, дурак...

Илья быстро снял с себя майку с джинсами, сел прямо на них и посмотрел на Лиду.

– У нас пиво есть, – сказал он просто. – Ты чего стоишь, раздевайся! Или застеснялась?

– Вот еще! – фыркнула Лида и через голову стянула платье. – А откуда пиво? По-моему, этот продукт сейчас не найти в радиусе ста километров...

Она расстелила большое полотенце и улеглась на нем, подперев голову рукой – очень красивая поза, она много раз репетировала.

– Места надо знать... – загадочно ответил Илья, почему-то глядя не на нее, а на воду, – Лиде стало даже немного обидно.

– А где пиво? Что-то я его не вижу!

– Там, в воде стоит. Охлаждается, – показал рукой Иван.

– Так уплывет же!

– Нет, у нас все продумано – мы его корягой прижали...

* * *

– Мама, я побежала...

– Куда?

– На речку, там меня ждут...

– Кто?

– Лида, Иван и Илья, – деловито ответила Валя, запихивая в большую холщовую сумку полотенце, снятое с веревки перед домом, на которой оно сушилось.

– Боже мой, кто это? – перепугалась Клавдия Петровна. – Я совершенно не знаю этих молодых людей... Иван и Илья? Это не племянник ли Зинаиды Марковны?

– Да, да, да! Илья – племянник Бэ Зэ, а Иван тоже где-то недалеко живет...

– Ванечка, Галин сынок? Господи, что же ты сразу не сказала! – запыхтела Клавдия Петровна. – Очень славный мальчик, я его хорошо знаю. Валька, какая же ты вредная, я прямо вспотела вся от ужаса...

– Ма, ты определенно сошла с ума, – деловито констатировала Валя.

– Вот будут у тебя свои дети, тогда узнаешь... – укоризненно бросила ей в спину Клавдия Петровна.

Валя бежала по пыльной дороге, размахивая сумкой, и улыбалась. «Очень славный мальчик... Да, я тоже знаю, что он очень славный мальчик! Кажется, его все любят...»

Она нашла их не сразу. Эти трое сидели и перекидывались в карты.

– О, Валька! – обрадовалась Лида, принимая очередную эффектную позу. – Садись с нами, мы сейчас парами будем, друг против друга...

– Я не хочу, я не люблю, очень жарко... – замахала руками Валя. – Я сейчас в воду залезу... Кто со мной?

Она расстегнула сарафан, бросила его на Лидино полотенце. В первый миг ей стало не по себе – Иван смотрел на нее (на всех прочих, по сути, ей было глубоко наплевать), а купальник на ней оставлял желать лучшего. «Но я красивая, при чем тут купальник... Все говорят, что я красивая...»

– Иван, иди, – толкнула Лида Ивана. – Ну чего ты смотришь?

– Кто, я? – покраснел тот. – В общем, я...

– Да иди же, – толкнул его и Илья, держа карты веером перед собой.

Ваня встал, сделал руку колючкой, как бы предлагая Вале опереться на нее, – жест вежливости, старомодный, почти неестественный для юноши его возраста, но такой приятный, что Валу буквально затряс невесть откуда взявшийся озноб. Или непривычно холодной показалась ей песчаная вода на мелководье?

– Тоже мне, принц Уэльский... – усмехнулся Илья себе под нос и бросил карту. – Бито...

– А мы сюда валет... – тут же сориентировалась Лида. – Что теперь скажешь?

Иван с Валею зашли по пояс в воду.

– Холодно? – спросил Иван. – Ты дрожишь...

– Нет. То есть да... – Валя осторожно выдернула у него руку. – Поплыли... Слабо до того берега?

Она плавала хорошо.

– Эй... ты где-то занималась, да?..

– Ага, – она повернула к нему лицо, все в брызгах воды. – Первый юношеский разряд...

Течение постепенно сносило их в сторону – и к другому берегу они подплыли ближе к мосту, который был перекинут через реку. Мост был старый, полуразвалившийся, и им давно не пользовались, а ездили по другому, что был гораздо выше по течению Иволги.

– Ой, сейчас умру... – Валя вылезла на траву, упала на нее спиной, задышав и смеясь. – Кажется, я побил мировой рекорд...

– Обратно можно пешком, через мост, – сел рядом Иван. Волосы у него были мокрые и взъерошенные, но сейчас он почему-то еще больше походил на молодого декабриста. И ресницы у него тоже слиплись от воды – заметила Валя.

– Через этот? Ты спятил...

Они нырнули обратно и гребли как сумасшедшие, борясь с течением. Потом долго шли по берегу.

– Вы где? – с упреком произнесла Лида. – Мы тут пиво уже открыли, между прочим...

– Дайте, дайте, очень пить хочется...

Валя отхлебнула из горлышка, но разочарование моментально настигло ее.

– Гадость какая... Нет, все-таки я не люблю пиво.

– Не любишь, так отдай, – взял у нее из рук бутылку Иван, сделал несколько глотков и передал Илье.

– Ты просто не понимаешь, – сказала Лида. – Хотя я, если честно, тоже вкус пива не очень понимаю...

– В нем, наверное, сахара не хватает, – Валя вдруг отняла бутылку у Ильи, отпила глоток и кивнула: – Да, точно, сахара не хватает!

Тот посмотрел на нее странным, тяжелым взглядом и произнес:

– Тогда оно будет похоже на квас...

Валя подошла к реке, зашлепала по мелководью – долго на одном месте ей не сиделось, словно внутри у нее работал моторчик, который толкал ее, заставлял что-то делать, двигаться...

– Знаете, у меня такой чудной дед... – вдруг засмеялась она. – Вместо колыбельной в детстве он пел мне одну песню... Очень древнюю, которую древние египтяне пели, еще во времена фараонов! Про ихнюю египетскую речку...

– Спой! – загорелась Лида. – Я обожаю про фараонов... Помните, есть такой польский фильм... Там еще Барбара Брыльска играет.

– Спой, светик, не стыдись, – снисходительно произнес Илья.

– Да пожалуйста! – великодушно воскликнула Валя и затянула низким протяжным голосом, молитвенно раскинув руки. Солнце светило у нее прямо над головой, превратившись в огненный нимб. – «Слава тебе, Нил... Слава тебе, Нил, да продлятся твои дни бесконечно! Ты пришел в эту землю, явился, чтобы оживить Египет... Ты орошаешь поля, которые создал Ра, чтобы дать жизнь каждой лозе, ты поишь пустыню и сушь, ведь это твоя роса падает с неба... Ты любишь землю, ты даруешь процветание...» Ну и так далее.

– Здорово, – серьезно произнес Иван. – Только почему-то рифмы нет. Наверное, ее еще не изобрели тогда.

– У меня только один вопрос, – прокашлялся Илья. – Уважаемая Валентина, на каком языке твой дедушка пел эту песню – неужели на египетском?

* * *

Валины ноги несли ее прямо к станции. «Я сама иду к нему... Надо же, я сама иду к нему! – размышляла она, оценивая свой поступок со стороны. – Я совсем спятила – никакой гордости!»

Но она уже ничего не могла с собой поделать. И успокаивала себя тем, что, возможно, не найдет его дом.

На ней было светло-желтое любимое платье до колен, простое и очень изящное – то, которое Лида считала единственной приличной вещью в гардеробе подружки. Волосы Валя тщательно вымыла и даже накрутила концы щипцами. Она шла, чувствуя себя чистой, воздушной, красивой, и в конце концов ей даже стало казаться, что совсем не грех показать себя в таком виде Ивану. «Вообще-то, я могу соврать, что шла к станции по делу и встретила его совершенно случайно!»

На узкой улице, ведущей к станции, было пусто, один раз только проехала ватага мальчишек лет десяти на велосипедах – с гиканьем и криком, обдав ее облаком пыли. Валя отряхнула платье и погрозила им вслед кулаком, но мальчишек уже и след простыл.

Ивана она нашла на редкость легко и быстро – он валялся в гамаке в одном из заросших кустами смородины дворики и читал какую-то книгу.

– Доброе утро, – сказала Валя, положив руки на забор. – Что читаем?

– Ой, это ты... – Иван от неожиданности чуть не вывалился из гамака – вероятно, до того он пребывал в настолько отрешенном состоянии, что никак не ожидал чьего-то появления. – Да так, ерунда...

– А я вот мимо случайно шла и вдруг вижу – ты.

– Шикарная у тебя шевелюра.

– Что это? Ну, в общем, ничего особенного... – Валя ухватила за прядь своих волос и зачем-то дернула ее, словно проверяя на прочность. «Похоже, я слишком явно вырядилась, как будто на свидание!» – с запоздалым раскаянием подумала она.

– Хочешь зайти?

– Зайти? – совсем растерялась она. – Зачем?

– Ну если ты по делу и торопишься, то тогда конечно...

– Я никуда не тороплюсь! – спохватилась Валя. – Пожалуй, на минутку-то я вполне могу зайти... Посмотрю на твой гамак. Я бы тоже от такого не отказалась – повесила бы у себя позади дома и валялась там целыми днями!

– Вон калитка...

Валя пошла совсем в другую сторону. Иван крикнул, что она не туда идет, и она повернула обратно и опять проскочила мимо калитки. Так и бегала туда-сюда, и вдруг ей стало неудержимо смешно. Она остановилась и принялась хохотать, закрыв лицо руками.

– Тебя как маленькую надо за ручку... – засмеялся тоже Иван и вышел ей навстречу. – Ну идем, детский сад.

– Ты как Лидка, она тоже меня детским садом обзывает... – захохотала она, закрывая лицо руками, поскольку умудрилась влететь в смородиновый куст. – Ой, волосы!

Волосы зацепились за ветки.

– Не шевелись, а то еще больше запутаешься, – Иван сосредоточенно принялся отцеплять пряди ее волос от веток. – Вот, еще одна... нет, стой – еще сзади!

Наконец он освободил Валу от плена смородинового куста.

– Какой классный гамак... – она опустилась на сетку и слегка раскачалась.

– Кстати, был приобретен в «Детском мире», – сказал он, с улыбкой глядя на нее. – У тебя листья в волосах застряли, дай я вытащу...

Вблизи от него пахло нагретой от солнца тканью – так пахнет, когда гладишь что-то уютным, – и земляничным мылом.

– Садись рядом – места вполне хватит, – простодушно сказала Валя, глядя на него снизу вверх.

Он сел – заскрипела веревка, обтирая березы, к которым был привязан гамак, – и неожиданно оказался совсем близко.

– Отодвинься, жарко же! – уперлась Валя в него коленями и руками.

– Я не могу, – растерянно произнес Иван, неудержимо сползая к центру. – Честное слово, я не нарочно.

– Черт, что это у меня там за спиной... – пытаясь, Валя вытащила из-под себя книжку. – О-о, «Русский язык» Розенталя... Так вот что мы читаем! Ну как, интересно?

– Очень! – с отвращением произнес он. – Совершенно не знаю правил, оказывается. «Жи-ши», «не» с причастиями... Мозги можно сломать!

– Поди, двоечник, да? – подмигнула Валя.

– Нет, пишу без ошибок, у меня, что называется, врожденная грамотность, но правил не знаю!

– А надо ли их знать?

– Надо... Еще много чего надо.

Откинувшись назад, они лежали в гамаке и смотрели в синее небо и на ветви деревьев, нависавшие сверху.

– Мать хочет к Гурову пойти. Он, оказывается, нам родственник, правда, очень дальний – седьмая вода на киселе, но все же...

– Кто такой Гуров? – меланхолично спросила Валя, ощущая левым боком тепло, идущее от Ивана. «Валя и Ваня. Ваня и Валя...»

– Филипп Аскольдович Гуров, известный московский адвокат.

– Ого!

– Мать хочет, чтобы я на юридический пошел, а Гуров бы мне поступить помог. У него связи везде...

– Ты тоже собираешься стать адвокатом? – оживилась Валя. – Очень круто! Ты молодец, заранее готовишься... А я еще не знаю, кем хочу стать.

– Я в армию не хочу.

– Правильно. Там дедовщина и... вообще, очень плохо... Читал в «Юности» «Сто дней до приказа»?

– Не в дедовщине даже дело, – грустно произнес Иван. – Жизнь такая тяжелая, безработица, инфляция... Прямо как на загнивающем Западе!

– Зато свобода... Эйфория! Гласность, перестройка, ускорение, плюрализм... Хотя ты прав – хочется иногда и красной икры покушать, – сказала Валя серьезно, а потом не выдержала, опять расхохоталась. Чего уж ей так было смешно – она и сама не знала.

– Кстати, у Гурова тут недалеко загородный дом.

– Где? – с любопытством спросила Валя.

– На той стороне Иволги. Дом с розовыми колоннами – бывший особняк какого-то там купца из прошлого века.

– Я знаю этот дом! – с изумлением произнесла Валя. – Нехилый домишко... Так это дом Гурова?

– Ага... Я же сказал – он известный московский адвокат. Он еще собирается участок прикупить, но чуть дальше, где-нибудь у Марьиного пруда...

Они молчали некоторое время, едва покачиваясь в гамаке, а потом Валя произнесла тихо:

– Ты тоже будешь известным и богатым, и у тебя будет большой дом с колоннами...

– У меня уже есть дом. Без колонн, правда, но я вполне им доволен, – ответил Иван серьезно.

– Наш Ванечка будет адвокатом... – по слогам пробормотала Валя. – Наш Ванечка будет адвокатом...

Он вдруг взял ее руку и положил себе на лицо.

Первым порывом Вали было убрать руку, но она сдержалась и не сделала этого. Иван тихо дышал ей в ладонь, и она чувствовала его губы – мягкие, теплые, они чуть-чуть шевелились, словно он шептал чего-то. «О господи...» – подумала она и закрыла глаза. Сердце у нее забилося, как сумасшедшее, – наверное, на всю округу было слышно.

– Так, и что же я вижу? – раздался рядом насмешливый голос.

– Ой... – испугалась Валя и стремительно села. Напротив стоял Илья. – Это ты? Ты меня прямо напугал!

– Стучаться надо было! – с досадой произнес Иван.

– Я постучал, – важно ответил Илья, упершись спиной в одну из берез. – Правда, вы не слышали.

– Ладно, проехали! – махнула рукой Валя. – Мы просто отдыхали!

– Ага... – загадочно ухмыльнулся Илья. – Сиеста...

– Что?

– Я говорю – сиеста! – повторил он громко, словно для глухой. – Послеполуденный сон.

– Тебе чего? – недовольно спросил Иван.

– Мне ничего, я просто так зашел. Дай, думаю, проведаю товарища... Хорошо выглядишь сегодня, Валентина. Платице такое миленькое, желтенького цвета.

– Мерси, – сердито ответила она.

– Ты что, обиделась на меня? – Илья сел на корточки рядом с гамаком, приподнял ее голову за подбородок – тем жестом, с каким обычно взрослые заглядывают в лица детям.

– Глупости какие! За что? – Она отвела его руку. «Как странно он смотрит на меня, – подумала Валя. – Как на дурочку... Я его раздражаю». – Ладно, мне пора.

Она выпрыгнула из гамака и снова зацепилась за что-то волосами.

– Опять? – засмеялся Иван, приходя ей на помощь. – Вот, теперь все в порядке... Валя, ты торопишься?

– Да.

– Я провожу?

– Нет, я еще не успела забыть, где тут калитка...

Она ушла – с каким-то облегчением оставив это место, хотя дело было не в месте. Илья. Дело, наверное, было в нем...

Когда калитка хлопнула за ее спиной, Илья сказал лениво:

– Я тебя не понимаю, Тарасов...

– Чего ты не понимаешь, Деев? – нахмурился Иван.

– Она же дурочка.

– Она не дурочка. И вообще, какое это имеет значение...

– А-а, я понял! Если у тебя какие-то определенные цели – и я догадываюсь, какие именно, – то не имеет никакого значения, дурочка она или нет...

– Ты сам дурак, – огрызнулся Иван. – Нет у меня никаких целей. Пошли к станции.

– Ладно, пошли...

Они побрели по пыльной улице.

– А чего ты там хочешь, на станции? – хмуро спросил Илья, засунув руки в карманы джинсов.

– Мороженого купить, – пожал тот плечами.

– Э-э, да ты у нас совсем маленький! Мороженого...

Их обогнала группа людей – какие-то дачники спешили к станции. Среди них была девушка лет двадцати в мини-юбке, с прической а-ля диско и огромными пластмассовыми сережками, которые лихо болтались у нее в ушах.

– Ничего так... – пробормотал Илья, глядя на ноги девицы. – Я ее хочу.

– А я мороженого хочу, – с вызовом произнес Иван.

– А я ее хочу. Я хочу *ее*...

Впереди застучала колесами электричка, подходя к перрону, и дачники, в том числе и девица в мини, с визгом побежали к ней, боясь опоздать.

– Билеты, билеты надо купить! – закричал кто-то из них.

– Да черт с ними... Следующая только через сорок минут!

* * *

– Он мне не нравится, – с отвращением произнесла Валя. – Он такой... какой-то вредный!

– Илья? Да бог с тобой, Пирогова! – возмутилась Лида. – Ты ошибаешься. Он не вредный. Он просто взрослый человек... Не забывай – ему уже девятнадцать!

– Что ж, если он такой взрослый, ко всем другим можно относиться так... так снисходительно-иронично? Знаешь, мне показалось, что он буквально выгнал меня.

– Как это? – с недоумением спросила Лида. – Он тебе что, прямо так и сказал – уходи отсюда, Пирогова, у нас с Ванькой мужской разговор?

Валя покачала головой:

– Нет, все по-другому. Он ничего такого не говорил... Но я чувствовала, как он хочет, чтобы я поскорее ушла.

– Это очень субъективное умозаключение, – наморщив лоб, снисходительно произнесла Лида.

– И почему ты его называешь Ванькой? – вдруг рассердилась Валя. – Никакой он не Ванька, он Ванечка. Или Ваня. Или просто Иван...

– Ванечка!.. – фыркнула Лида и захохотала. – Нет, вы подходите друг другу, это точно! Ванька и Валька!

– Тебе что, и мое имя не нравится? – насупилась Валя.

– Да как сказать... В общем, оно тоже звучит как-то по-простонародному. Валентина... У нас техничку в школе так зовут. И еще старуху так одну зовут, которая нам молоко приносит, – баба Валя... Да, вспомнила – библиотекарьшу в Москве тоже зовут Валентиной. Валентина Лаврентьевна... Бр-р!

– Ты не любишь библиотекарей?

– Библиотекарь! – с презрением воскликнула Лида. – Вот уж последнее дело, каким бы я стала в жизни заниматься! По-моему, это ужасно – всю жизнь выдавать кому-то книги. Запах книжной пыли, формуляры всякие... «В отделе юношеской литературы этого издания нет, идите в читальный зал»; «Ах, вы забыли вернуть справочник юного натуралиста, верните его в десятидневный срок!»...

У Вали было отчетливое ощущение того, что они с Лидой сейчас поссорятся. Они редко ссорились, тем более что в Москве им не каждый день приходилось встречаться – жили-то в разных местах, двадцать минут на троллейбусе или две остановки на метро.

– Лаптий, немедленно прекрати! – грозно произнесла Валя.

– А что, что тебе не нравится? Правда? Да, я не стала врать, я честно сказала, что твое имя кажется мне простонародным, ну и что такого? Я должна была сказать – «ах, Валечка, у тебя самое замечательное имя на свете, я им даже хочу назвать свою любимую морскую свинку»?

Углы губ у Вали дрогнули – ей вдруг ужасно захотелось рассмеяться, но она должна была показать Лиде, что не намерена спускать обид. Она еще сильнее свела брови.

– А, ты мечтаешь стать библиотекаршей, наверное! – воскликнула Лида, словно на нее снизошла догадка. – О, прости, прости! Я и не знала, что так грубо отозвалась о твоей мечте...

– Ничего я не мечтаю, – Валя быстро закрыла ей рот рукой. – И вообще, прекрати, в последний раз предупреждаю. Я знаю, чего ты на меня взъелась...

– Чего? – с любопытством спросила Лида, отпихнув ее руку. – Чего же?

– Я просто Илюшеньку твоего осмелилась критиковать... Он тебе очень нравится, да?

Лида замолчала и закрыла на несколько мгновений глаза. Лицо у нее при этом стало очень серьезное, даже печальное. Из-под светлых ресниц выкатилась слезинка. Валя знала, что ее подруга склонна к слезам и по любому поводу готова плакать и даже рыдать, но сейчас эта слезинка произвела на нее ошеломляющее впечатление.

– Ты его так любишь, да? – с изумлением переспросила Валя. – Господи, Лаптий, ты его так любишь?!

– Ага, – сказала Лида и громко хлюпнула носом. – Я о нем все время думаю. Даже когда сплю! Как ты считаешь, я ему нравлюсь?

– Конечно! – горячо воскликнула Валя. – Ты ему очень даже нравишься!

– А почему он мне свиданий не назначает? – совершенно другим, сварливым тоном произнесла Лида. – И вообще... Мне иногда кажется, что он меня просто как друга воспринимает, и все.

– Ну не все сразу! – великодушно сказала Валя. – Быстро только кошки рождаются...

– А если он... ну, это... А если он захочет, чтобы мы занимались любовью? – прошептала Лида. – Пирогова, что мне тогда делать? Я же не смогу ему отказать, не смогу, не смогу...

– Ну я не знаю, – честно произнесла Валя. – Вообще, мне кажется, это рано. И лучше это делать после замужества.

– Какая же ты дикая! Прямо как неандерталец! – с восторгом и злостью воскликнула Лида – она не могла говорить спокойно, ее слишком волновала затронутая тема. – Я тебе знаешь, что скажу...

– Что?

– Что мы с тобой, наверное, последние девственницы на свете! Ты посмотри, что вокруг творится... Нам уже шестнадцать лет, а мы... Джульетта в четырнадцать лет была замужем за Ромео.

– Так то времена были другие! – возразила Валя. – Тогда люди жили лет до тридцати, максимум сорока.

– Что, правда?! – поразилась Лида.

– Я сама в одной книжке читала! Тогда были страшная грязь и антисанитария... Если вовремя не женишься, то все, поезд ушел – или чума тебя подкосит, или холера.

– Нет, но все равно, – упрямо произнесла Лида. – Нам шестнадцать. Джульетта уже два года как была в гробу, а мы...

– И что ж теперь, на первого встречного бросаться?

– Нет, но... И вообще, Илья не первый встречный, я его люблю.

– Если это будет, то должно быть красиво, – вдруг задумчиво произнесла Валя. – Просто так заниматься сексом – скучно, я так думаю.

– А ты? – с жадным любопытством спросила Лида. – Тебе ведь тоже Ваня нравится, да?

– Да, – кивнула Валя. И вдруг вспомнила, как тот вызволял ее из куста смородины, как они потом лежали рядом в гамаке, как он положил ее руку на свое лицо. – Говорят, что человек только один раз в своей жизни может по-настоящему любить.

– Это как в песне Анны Герман? «Один раз в год сады цветут...» Нет, если б все так было, то человечество давно бы вымерло. Даже быстрее, чем от холеры!

* * *

На завтрак Клавдия Петровна приготовила хек, который с боем отвоевала ранним утром в автолавке. Хек был старым, с резким, специфическим рыбным запахом, который не могли отбить даже специи. Кроме того, он был сварен с большим количеством лука, а Валя не любила вареный лук.

Она сидела над тарелкой и грустно водила по ее краю ложкой. Улучив момент, когда мать вышла на минуту, Валя повернулась к Арсению Никитичу и шепотом спросила:

– Дед, тебе не кажется, что эту рыбу поймали в водоеме, зараженном сине-зелеными водорослями, о которых ты мне рассказывал на прошлой неделе?

– Что? – рассеянно вскинул голову Арсений Никитич, отрываясь от чтения газеты. – Брось, Валюша, прекрасная рыба!

– Это не рыба, а что-то другое, еще неизвестное в океанологии... – пробурчала себе под нос Валя.

– Не нравится? – скорбно спросила Клавдия Петровна, выходя на веранду. – Если вам не нравится, то сами в магазин ходите, сами готовьте...

– Я просто не люблю лук! – взмолилась Валя. – Мамочка, честное слово, все очень вкусно, но просто я не люблю вареный лук!

– Так отгребь его в сторону!

Арсений Никитич стрельнул в их сторону глазами, отложил газету и бодро произнес:

– Как сейчас помню – в конце тридцатых годов мы отправились на «Садко» искать так называемую Землю Джиллиса. Мне только-только исполнилось двадцать пять лет...

– Какую землю? – с недоумением спросила Клавдия Петровна.

– Вопрос интересный! – поднял палец Арсений Никитич. – Надо сказать, многоуважаемая Клавочка и дорогая Валюша, что в те времена северные моря были еще недостаточно изучены. На арктических картах того времени существовало немало белых пятен. А также значилось немало таинственных «земель» – мифических, полулегендарных, нанесенных пунктиром по отрывочным сообщениям мореплавателей, по догадкам ученых, по рассказам землепроходцев, промышленников, путешественников...

– Как Земля Санникова, что ли? – хмуро спросила Клавдия Петровна. – Сейчас чаю вам налью...

– Именно! – обрадовался Арсений Никитич. – Кстати, их было три, этих Земель Санникова, а не одна, как многие считают. А еще были Земля Андреева, Земля Петермана, Земля Гарриса, Земля Брэдли, Земля Крокера...

– И что, нашли вы там эту свою Землю Джиллиса? – с любопытством перебила деда Валя.

– Нет, здесь надобно все по порядку... Так вот, как сейчас помню, «Садко» вышел из Архангельска восьмого июля и после короткого захода в Мурманск направился в Гренландское море. Уже первые наблюдения моего учителя, возглавлявшего эту экспедицию, профессора Николая Николаевича Зубова, подтвердили его мысль о продолжающемся потеплении Арктики... Пройдя по восьмидесятой параллели, «Садко» пошел на северо-восток – туда, где на картах была обозначена таинственная Земля Джиллиса.

– Так нашли ее или нет? – опять нетерпеливо перебила его Валя.

– И правда что, нашли или нет? – подперла голову рукой Клавдия Петровна. – Вы, папа, очень любите длинные прелюдии делать...

– Английский китобой Джиллис увидел свою землю в 1607 году к северо-востоку от Шпицбергена. С тех пор она не однажды появлялась на картах, а потом снова исчезала с них. Никто не мог пробраться к этой Земле, никто не мог с полной уверенностью утверждать, что действительно ее видел, и никто не мог доказать, что она существует... – словно не слыша нетерпеливых вопросов своих слушательниц, продолжал Арсений Никитич. – Мы медленно дрейфовали среди льдов на «Садко» – стояли дни исключительной видимости. И на горизонте снова возник призрак Земли. Мираж, далекое изображение, поднятое рефракцией? Наша команда очень надеялась прекратить двухсотлетний спор мореплавателей. Так вот, не буду вас больше мучить – никакой Земли Джиллиса не существовало! Позже это лишний раз доказала аэроразведка. Но зато возле Северной земли мы нашли целых три острова, о существовании которых до нас никто не подозревал. Кстати, после этой экспедиции правительство наградило Николая Николаевича легковой машиной, – с удовлетворением подытожил дедушка. – Он ее сам водил, между прочим...

– Тьфу ты! – с досадой произнесла Клавдия Петровна. – Я уж в самом деле начала думать, что вы нашли эту землю, как ее там... А ее, оказывается, и вовсе не существовало! И чего, спрашивается, весь сыр-бор городить...

Она ушла, захватив с собой грязную посуду, а Валя с любопытством спросила:

– А что потом стало с твоим учителем? Он умер?

– Давно... В ноябре шестидесятого. В звании инженер-контр-адмирала, – с гордостью произнес Арсений Никитич. – Похоронили его на Новодевичьем, еще на старой территории... Мы как-нибудь сходим туда, Валя. Строгая плита из лабрадорита, а перед ней – маленький бронзовый кораблик, распустив паруса, неизменно стремится вперед. Вечный покой и вечное движение...

«Вечный покой и вечное движение», – машинально повторила про себя Валя.

– Замечательная у тебя была профессия, – вздохнула она, положив голову на скрещенные руки. – Плавай себе, открывай новые земли...

– Собачья работа! – вдруг засмеялся Арсений Никитич. – В гидрологи женщин не брали.

– Это почему же? – обиделась за всех женщин Валя.

– Да они и сами не пошли бы... Представь себе, часами раскачиваться над морской пучиной – вокруг ветер, лед... Невыносимо ноют кисти рук – мокрые, застывшие... Озноб! Труженики моря, одним словом.

– А зачем часами раскачиваться над морской пучиной? – спросила Валя.

– А пробы воды брать? А измерять скорость и направление течений? Ледовый режим? Кроме того, надо было еще выяснить места скопления рыбных стад, пути их миграции – все эти исследования необходимы для рыболовецкого флота. Пробы грунта с морского дна, температура воды на глубине... Обычно на вахте работало по двое гидрологов – один у лебедки с тросом, а другой раскачивался на откидной площадке за бортом судна, навешивая и снимая приборы на трос. А как иначе, без этих приборов, узнаешь, что творится на морском дне? Брызги, даже потоки воды, ветер – скоро одежда на гидрологе превращается в ледяной скафандр...

– Бр-р! – с ужасом воскликнула Валя. – Как ты только не умер там, дед!

– Да, собачья работа. Она очень сильно подорвала мое здоровье, – с удовлетворением произнес Арсений Никитич, словно гордясь этим. – Вот видишь, пальцы почти не слушаются – артрит... Я, наверное, недолго протяну.

– Ты что такое говоришь! – совсем перепугалась она. Вскочила, обняла деда, звонко поцеловала в блестящую лысину, которая зеркально отражала солнечный свет.

– Валя, задушишь... – с трудом просипел Арсений Никитич. – Отпусти... И чего ты так паникуешь? Надо быть ко всему готовой. Вспомни статистику, до какого возраста доживает современный мужчина? До шестидесяти, шестидесяти пяти, а то и меньше... Так что, исходя из данных статистики, меня уже давно заждались на том свете.

– Глупый, глупый, вредный дед...

– Ай, ты меня больно ущипнула, негодница... Валя, я серьезно... Отпусти же! И потом, при таком питании...

На веранду немедленно выглянула Клавдия Петровна. Она перетирала тарелки салфеткой.

– Вы что, опять меня критикуете? – подозрительно спросила она. – Я же говорила – сами тогда в магазин ходите, сами готовьте... И вообще, вы ничего не понимаете в здоровом питании!

– Валя, я тебя уже сто лет жду! – крикнула из-за забора Лида. – Ты где? Пошли на речку...

– Ладно, до вечера... – Валя еще раз чмокнула Арсения Никитича в блестящую загорелую лысину и выскочила со двора.

– Они нас уже на Иволге ждут. Давно, – деловито сообщила Лида, быстро шагая в сторону реки.

– Они?

– Да, они! У Ильи времени в обрез – он завтра вечером опять в Москву уезжает, на целых два дня.

– Когда же он к своим экзаменам готовится? – удивилась Валя.

– Он говорит – ночью, – небрежно произнесла Лида.

Солнце пекло немилосердно, обжигая кожу, но у Вали из головы все не выходил дедов рассказ. Брызги арктической воды, в которой плавают ледяная крошка, пронзительный ветер...

– Вечный покой и вечное движение... – пробормотала она.

– Чего? – подозрительно спросила Лида. – Ты о чем?

– Да так... Вот представь себе историю – он и она. Они любят друг друга. Но у него сложная работа, ему надо ехать в далекую экспедицию. Она обещает его ждать. Он уезжает – надолго, может быть, на полгода даже...

– А, очередная лав стори... Ну и что же дальше? – заинтересовавшись, подтолкнула подругу Лида.

– А дальше рядом с ней остается его друг – он занят совершенно иным делом, и ему совсем необязательно уезжать из города, – вдохновенно продолжила Валя. – Они встречаются иногда – типа, надо же провести девушку друга, не нуждается ли она в чем...

– Понятно – коварный соблазнитель! – усмехнулась Лида.

– Вроде того... А эта девушка нравится ему. Очень. Очень-очень! И оттого, что она любит не его, другу становится не по себе. Он с ней говорит – сначала обо всяких пустяках, о том о сем, а потом исподволь подводит ее к мысли, что нехорошо жить всю жизнь с одними мечтами и ожиданиями, в постоянных разлуках. Вот он – молодой, красивый, преуспевающий, которому вовсе не обязательно тащиться в какие-то дальние командировки, – всегда рядом, с ним интереснее и гораздо приятнее. И у нее в голове постепенно все переворачивается, и она тоже начинает так думать – «Ах, как грустно быть все время одной, как надоело ждать...». Короче, она выходит замуж за этого друга. Пишет письмо своему бывшему возлюбленному – прости-прощай, не поминай лихом, и прочее... И все вроде бы хорошо, идут годы, она вместе с этим человеком, который на самом деле не такой уж плохой, просто так получилось, что он полюбил девушку друга...

– Гад какой! – с чувством произнесла Лида. – Пирогова, если все опять плохо кончится, то лучше не рассказывай мне эту историю!

– А тот человек, бывший ее возлюбленный, с головой погружается в работу. Моря и океаны, открытия и свершения, вечный подвиг... В общем, он решил целиком посвятить себя работе. И совершенно случайно, спустя много лет, он оказывается в том городе, в котором жил когда-то. Он видит ее, она видит его... И она вдруг понимает, что ничего не прошло, что исчезли пустые слова, которыми у нее до сих пор была забита голова. Она его по-прежнему любит. И он ее тоже любит! А муж просто с ума от ревности сходит, когда узнает, что они снова встречаются...

– Пирогова, умоляю! – взмолилась Лида.

– И тогда... Слушай, Лидка, – вдруг растерялась Валя. – А ведь действительно все должно закончиться как-то особенно трагично, ведь иначе и нельзя.

– Ну вот, я так и знала! – расстроилась Лида. – Вечно ты мне душу на части рвешь своими историями! Уж лучше какую-нибудь комедию бы придумала, что ли...

* * *

Ребята ждали их на том же месте.

– Привет! – обрадовался Иван. Он уже успел загореть, и россыпь веснушек появилась у него на носу. Он смотрел только на Валью.

– Соскучился? Вот тебе твоя Валечка, делай с ней что хочешь, она на все готова... – засмеялась Лида.

– Лаптий, дура, я тебя сейчас утоплю!

– Сама такая, и истории у тебя дурацкие... Илья, Илья, убери от меня эту ненормальную!

Лида спряталась за Илью, потому что Валя погналась за ней, всерьез собираясь столкнуть подружку в воду. Иван присоединился к этой возне – они все четверо визжали и бесились, словно молодые щенки, потом долго бегали по мелководью, брызгая друг на друга, пока не надоело.

Тогда упали в траву и лежали, хохоча и толкаясь.

– Да перестаньте вы! – рассердился Илья, отбрасывая сломавшуюся сигарету. – Совсем спятили...

Валя рядом с Ваней чувствовала какой-то необыкновенный подъем – она все не могла забыть, как они лежали в гамаке и он положил ее ладонь себе на лицо. Слова подружки потому так и взбесили ее, что она сама знала, что готова на многое ради этого парня. Правда, пока не понимала, на что именно, и не знала, близко ли та черта, которую она могла перейти ради него.

– Что бы такое придумать... – наконец, отсмеявшись, сказала Лида, протягивая руки солнцу. – Илюшка, может, еще раз прокатишь нас на своем авто?

– Надоело... – отмахнулся Иван. – Мимо! По ухабам на «Запорожце»... Надо что-нибудь поинтереснее придумать.

– Да, правда! – оживилась и Валя. – Что-нибудь такое, особенное...

– Егоровой, что ли, в клозет пачку дрожжей бросить? – лениво предположил Илья, покусывая травинку. Егоровой звали старуху, которая жила у леса и о которой шла недобрая слава.

– А что, неплохая мысль... – заинтересованно пробормотала Лида. – Да только не превратит ли она нас потом в каких-нибудь лягушек? Вдруг порчу найдет?

– Мать, да ты что, серьезно? – удивился Илья.

– Ну ты же сам предложил... А что, и правда – что еще тут можно придумать? – возмущилась Лида. – Здесь даже дискотек сроду не было! Тоска зеленая...

– Кто-нибудь встречал рассвет? – вдруг спросила Валя.

– Какой еще рассвет? – удивился Илья.

– Ну когда еще ночь, а потом из-за горизонта медленно начинает подниматься солнце. Озаряя землю первыми лучами! – спохватившись, добавила Валя потом.

– Ты еще предложи пионерский костер развести! – захохотала Лида.

– Однажды я болел коклюшем и не спал до утра, – вспомнил Ваня. – И видел, как встает солнце. Правда, это было в городе...

– В городе не считается! – возразила Валя.

– Хм, в этом что-то есть... – неожиданно загорелась Лида. – Ванька, Илья, да не будьте вы такими тюфяками!

– Ромашки спрятались, поникли лютики... – задумчиво запел Илья. – А что, мать, рассвет-то этот – он во сколько?

– Во сколько сейчас светает? – нахмурилась Лида. – Ну я не знаю... Часа в три-четыре утра. Можно на отрывном календаре посмотреть – он у меня дома висит.

– Может, действительно ради прикола встретить рассвет? – лениво произнес Илья. – Ты как, Иван?

– Я не против, – пожал тот плечами. – Только условие – все должны прийти.

И он посмотрел на Валю.

Вечером Валя подступила к Клавдии Петровне:

– Мам, ты говорила, что ночью плохо спишь, просыпаешься все время...

– Очень плохо! – горячо подхватила мать. – Бессонница, и мысли всякие в голову лезут. Как дальше-то жить будем?

Вопрос не вызвал у Вали никакого энтузиазма. Она была уверена, что, сколько ни рассуждай на эту тему, толку никакого не будет. Надо просто жить, как получается...

– Я не знаю! – нетерпеливо отмахнулась она. – Если хочешь, мам, мы как-нибудь потом поговорим на эту тему... Ты лучше вот что – разбуди меня в три ночи, если все равно не можешь заснуть, а?

– Так у тебя же будильник есть! – удивилась Клавдия Петровна.

– Я будильника не слышу, – напомнила Валя. – Лучше ты... Пожалуйста! Ровно в три часа.

– Охота тебе бедную мать по ночам мучить... погоди, Валя, – спохватилась она. – А зачем тебе вдруг понадобилось в три часа вставать? Это же очень вредно для растущего организма!

– Мы договорились рассвет встретить. Все вместе – Лидка, Илья, Ваня...

– Боже мой, вон они что придумали... Папа, вы слышите, что они такое придумали?!

– Слышу, – коротко отозвался из соседней комнаты Арсений Никитич.

– И что вы на это скажете?..

– Ничего не скажу.

– Значит, самоустраняетесь, – тут же резюмировала Клавдия Петровна. – Значит, пусть ваша родная внучка черт-те с кем и черт-те где шляется, да?

– Ма, так ведь с Лидкой... И с Ваней... И мы просто рассвет хотим на Иволге встретить! Клавдия Петровна замолчала, задумавшись о чем-то.

– Хорошо. В самом деле, что тут такого... – вдруг произнесла она. – Я тебя разбужу. Господи, Валечка, это так романтично! Ах, где мои шестнадцать лет... Папа, вы когда-нибудь встречали рассвет?

– Да, – коротко отозвался Арсений Петрович.

– И?..

– И.

Продолжения не было.

– Вот бесчувственное существо! – прошептала Клавдия Петровна, возводя очи горе. – Ему хоть рассвет, хоть закат, хоть соловьиные трели... Ничего не замечает, кроме своей газеты!

«Наверное, проще совсем не засыпать, – подумала Валя вечером, ворочаясь в своей кровати. – Через четыре часа уже вставать! Да и не спится как-то... Наверное, у меня тоже бессонница. Бессонница – это болезнь. Как наказание. Я слишком люблю его, Ваню. Интересно, Лидка чувствует то же самое? Она говорит, что жить не может без своего Ильи... А я? Я могу жить без Вани? Нет, наверное, все-таки могу... Только это будет совсем грустная жизнь – как одна из тех историй, от которых Лидка начинает реветь. Я вот что загадаю – если мы с Ваней вместе встретим рассвет, то потом уже всю жизнь будем вместе...»

Она ворочалась с боку на бок и не заметила, как уснула. Обрывки цветных видений, словно осколки мозаики, вертелись у нее перед глазами, и все-все – каждый осколок, каждый эпизод прожитого дня – было связано с ним, с мыслями о нем, все складывалось в один узор, везде угадывалось его, Ивана, лицо.

* * *

Валя открыла глаза – вокруг была темнота. Впрочем, уже не ночная – Валя вдруг уловила какие-то светло-серые, прозрачные оттенки в воздухе. «Наверное, такие бывают только в предутренние часы», – подумала она и посмотрела на часы. Они показывали пять минут четвертого.

Клавдия Петровна сладко спала в соседней комнате, когда туда заглянула Валя, – она улыбалась во сне безмятежно и спокойно и ничуть не напоминала человека, который мучается несовершенством жизни. «Дрыхнет! – мстительно подумала Валя. – А ведь обещала разбудить меня! Даже похрапывает как ни в чем не бывало... Никому нельзя доверять!»

Она умылась холодной водой, кое-как причесалась – волосы путались, не желая подчиняться расческе, руки с трудом тянулись вверх – их сковывала ленивая, тяжелая дрема, которая никак не желала покидать Валу. Она натянула на себя джинсы, майку, влезла в любимые розовые тапочки и, пошатываясь, побрела к Лидиному дому.

Там, в соседском саду, тоже бродили среди кустов серые тени, утренний туман плыл над землей. Лиды не было.

Валя подошла к двери, прислушалась – внутри, было тихо. Валя указательным пальцем осторожно постучалась. Никакого ответа.

«И Лидка все продрыхла! – с досадой подумала Валя. – Тоже мне, лучшая подруга...»

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге показалась Анна Михайловна, мама Лиды, в байковой ночной рубашке до полу. Волосы у нее торчали в разные стороны, отчего она сильно напоминала рисунок Медузы горгоны из книжки «Легенды и мифы Древней Греции».

– Господи, Валечка! – хриплым сонным голосом воскликнула Анна Михайловна. – Это ты! А я слышу – будто кто-то скребется...

– Доброе утро. А Лида где?

– Спит, конечно, – с изумлением ответила Анна Михайловна. – А тебе чего?

– Мы же с ней договорились! – с отчаянием прошептала Валя. – Она вас не предупредила? Мы с ней рассвет договорились на Иволге встречать!

– Чего? – с еще большим изумлением спросила Лидина мама. – Чего встречать?

– Рассвет...

Анна Михайловна постояла несколько мгновений в тревожной задумчивости, а потом решительно заявила:

– Глупости все это. Иди-ка ты, Валюша, спать. Вон посмотри – ночь еще...

– Ну так правильно! – с отчаянием произнесла Валя. – Надо пораньше из дома выйти, чтобы первые лучи солнца не пропустить!

Упоминание о первых солнечных лучах еще больше не понравилось Анне Михайловне – она была женщиной здоровой, без романтических иллюзий, и работа терапевтом в районной поликлинике тому способствовала.

– Нет, нет, нет, – твердо произнесла она. – Рассвет будете встречать с Лидкой после девяти, как позавтракаете.

И Анна Михайловна захлопнула дверь. «Что ж это такое? – растерянно подумала Валя, уныло шагая в сторону калитки. – Но мы же договорились...» Мысль о том, что Ваня уже ждет ее там, на берегу реки, а она тут топчется возле Лидино дома, привела ее в совершенное расстройство. Она так хотела увидеть его!

Валя решительно развернулась и побежала к Лидиному окну. Вскрабавшись на какое-то бревно, стукнула ногтями в стекло. Через пару мгновений показалась Лида. Волосы у нее тоже торчали в разные стороны – точно так же, как у Анны Михайловны, а глаза были круглые, не отражавшие ни единой мысли.

– Тебе чего? – без всякого выражения, скороговоркой произнесла Лида.

– Лаптий, мы должны идти! У тебя пять минут – ну, быстро, собирайся! – сердито прошипела Валя.

– Куда мы должны идти? – так же, скороговоркой, спросила сонная Лида.

– На Иволгу! Рассвет встречать!

– Ха-ха. Я не пойду.

И Лида свалилась назад, на кровать.

«Вот соня!» – возмутилась Валя и решила идти на Иволгу одна.

Темный, синевато-серый воздух стал еще чуть светлее, отчетливо прорисовались контуры окружающих домов. Дорога была пуста – ни единой живой души. Тишина – ни петушиного крика, ни отдаленного собачьего лая, ничего. Валя как будто попала в какую-то другую реальность, между сном и явью, она проскользнула в зазор между стрелками на часовом циферблате – и время остановилось, земной шар перестал крутиться.

Даже ветра не было, лишь белесые струйки тумана неподвижно висели над дорогой, и Валины ноги тонули в нем без звука...

У реки никого. «Да что же это! – с отчаянием возмутилась Валя. – Неужели только я не проспала?!» Она немного побродила вдоль берега, оглядываясь по сторонам, и чем дальше, тем невероятнее ей казалась вся эта история. В самом деле, как они могли решиться на такое странное, глупое предприятие – встречать рассвет? Да кому он нужен, рассвет, что в нем такого, чего не бывает во всех прочих частях суток?

Было холодно, над неподвижной Иволгой тоже стоял туман. «Ну вот, даже река не течет, – со странным удовлетворением подумала Валя. – Черт знает что такое творится! Нет, значит, есть все-таки в этом какой-то смысл... Ладно уж, посижу на берегу одна».

И она поняла, что не уйдет отсюда, пока не увидит солнце. Села на какую-то корягу и принялась прилежно таращиться на серый горизонт.

Но оно куда-то пропало.

Да, солнце не вставало. Время тянулось бесконечно долго, а его все не было! На Валю потихоньку начала наваливаться дрема. И тут она слышала шорох травы где-то позади себя.

Это пришел Иван. Пространство странно искажало звуки – трава шелестела близко, а Иван был далеко. Ноги его по щиколотку тонули в тумане.

– Ванечка! – обрадовалась Валя. – Миленький, хороший Ванечка!

Она не стеснялась называть его уменьшительно-ласкательным именем – это словно было частью некоей игры. Ведь даже Илья иногда к нему так обращался. Правда, с иронией.

– А где Илья? – спросила она.

– Проспал, наверное.

– И Лидка тоже! Представляешь, я пришла к ней, бужу ее, а она не будится... – засмеялась Валя, вспомнив сонное лицо подруги. – Глаза у нее такие круглые, открытые – как будто смотрят, а на самом деле – я даже не сразу догадалась – она продолжает спать! Хоть ты пришел...

– Но я же обещал, – серьезно произнес Иван и сел рядом.

– Ванечка хороший, Ванечка всегда держит слово... – она радостно потерлась щекой о его плечо.

– Ты чего? – с удивлением, смущенно спросил он.

– Ничего. Так просто... Знаешь, как грустно тут было одной! Я думала – тоже мне, друзья, называется!

Светлые его волосы были взъерошены, глаза припухли ото сна, на смуглом бледном лице четко выделялись веснушки.

– Ой, у тебя на щеке отпечаток подушки! – опять засмеялась Валя. – Ванечка, ты ужасно смешной!

Он ничего не ответил, улыбнувшись уголками губ. Валя вдруг вспомнила о том, что загадала накануне – быть им всю жизнь вместе, если они вместе встретят этот рассвет. «Неужели правда все сбудется? Нет, я точно умру без него! Мама говорит, что никаких серьезных чувств быть в моем возрасте не может. И все почему-то тоже так говорят. Но бывают же исключения из правил!»

– Знаешь, мне такие мысли сейчас в голову лезли, пока шел сюда, – медленно заговорил Иван. – Чудные... Как будто я заснул в одном измерении, а проснулся в совершенно другом. Просто потому, что открыл глаза в определенный час, определенную минуту и даже, кажется, в определенную долю секунды – как будто наступило время икс...

– Да ну?! – поразилась Валя. – Не может быть! Я ведь тоже о чем-то таком думала... Честное слово!

– А вдруг правда? – серьезно произнес он. – И мы с тобой сейчас находимся в параллельном мире?

– Очень хорошо, – удовлетворенно сказала Валя. – Честно говоря, прошлая моя жизнь кажется мне довольно скучной.

– Зато здесь все по-другому. Здесь нет солнца.

– Нет солнца! И это я тоже предполагала... – переполошилась Валя. – Как же мы без него?

– А вот так... – развел он руками. – Ну ничего, привыкнем.

– У тебя тогда веснушки пропадут... – прошептала она.

– Что?

– Веснушки. Они от солнца появляются, – пояснила она. – Бр-р, ну и холод в этом измерении! Знала бы, свитер сюда захватила...

– Ну и что – веснушки? Кому они нужны!

– Мне, – вдруг сказала она. – Мне очень нравятся твои веснушки. Ванечка... И имя твое нравится.

Она сказала это и испугалась. «Господи, какая я глупая! Слышала бы меня сейчас Лидка... Она бы сказала, что девушки ни при каких обстоятельствах не должны признаваться парням в своих чувствах!»

Но Ивана Валины пылкие излияния почему-то совсем не удивили.

– Холодно, да? – тихо спросил он. – А ты ближе иди... вот так.

Он обнял ее, прижал к себе.

– Ты что? – прошептала она.

– А что? Неудобно?

– Нет, но...

– Так ты же сама только что жаловалась, что холодно! – с досадой воскликнул он и слегка отодвинулся.

– Нет-нет, не отпускай меня! – перепугалась она.

– Валя...

– Что?

– Хочешь, я тебе одну вещь скажу?

– Ну скажи, – заинтригованно пробормотала она.

– Я тебя люблю, – сказал он и посмотрел ей прямо в глаза.

Сердце у Вали сначала замерло, потом упало куда-то вниз, в район желудка. «Так не бывает... не может быть!» – билось в ее мозгу. А через секунду сердце подскочило куда-то к горлу и суматошно затрепыхалось там, не давая нормально дышать...

– Ванечка... – прошептала она.

– Я это еще тогда понял... помнишь, когда мы на озеро ездили, в самый первый раз... Ты мне сразу понравилась. Я сидел впереди и все время смотрел на тебя. И я себе сказал – я, наверное, люблю ее. А дальше я только все сильнее и сильнее в этом убеждался. Вчера загадал – скажу тебе об этом, если ты придешь.

– Вот... значит, не зря я сюда так торопилась! – с торжеством произнесла она, задыхаясь. – Я тебе тогда тоже скажу...

– Что, и ты?

– И я! Я тоже тебя люблю, – тихо-тихо прошептала она, словно кто-то чужой мог услышать их слова в этот сумеречный, предутренний час.

Глаза у него медленно закрылись, и он приблизил к ней лицо. Губы у него были ледяные, от щек веяло холодом, и кончик носа – ледяной. Она обхватила его руками – крепко-крепко! – и ответила на его поцелуй.

– Ты такой холодный... – пробормотала она.

– Ты тоже ужасно холодная...

Они целовались и целовались, пока им не стало жарко, пока не выступили слезы на глазах.

– Что же это такое?... – растерянно сказала Валя в один из тех моментов, когда они на мгновение оторвались друг от друга, чтобы перевести дыхание. – Мне это не снится?

– Ущипнуть? – засмеялся он сквозь стиснутые зубы.

– Нет, пожалуйста, не надо! – взмолилась она. – Я не хочу просыпаться!

– Скажи еще раз, – потребовал он, и она поняла сразу же, о чем он просит, и сказала:

– Я тебя люблю.

– И я тебя люблю!

– Ванечка...

– Что?

– А где солнце-то?..

Стало почти светло, но пока еще никакого намека на солнце не было. Край востока окрасился серебристо-голубым, трепетал воздух вдали, но ни одной золотистой или розовой ниточки, которая обещала бы восход, не появилось.

– Правда, где же солнце?... – растерялся Иван.

– Значит, мы действительно попали в иное измерение. Времени нет. Рассвета не будет, – быстро произнесла Валя, почти веря своим словам.

– Что же делать? – серьезно спросил он, намереваясь опять поцеловать ее.

– Нет, погоди... По-моему, уже ничего нельзя исправить!

– И мы никогда не увидим солнца?

– Никогда, – торжественно и даже как-то зловеще произнесла она. – Механизм, с помощью которого вертелась Земля, сломался. В общем, этот наступил, как его...

– Апокалипсис, – с восторгом подсказал он.

– Вот именно! Конец света...

Они засмеялись, а потом опять принялись целоваться, словно сумасшедшие.

– Как же я так влюбился, как же так...

– Точно так же, как и я. Ванечка...

– Что?

– Нет, просто... Ванечка. Ты – Ванечка. Как мне нравится называть тебя так! Ты – Ванечка...

И в этот момент восток озарило нежно-розовым светом. Рябь побежала по реке, и стало видно, как она неумолимо течет вперед. Где-то далеко закричал петух – все ожило, прохладный утренний ветер зашуршал в листве, стало слышно, как в небе гудит самолет.

– Ну, слава богу, – пробормотала она. – А то я уж и в самом деле начала беспокоиться...

– Ты красивая, – сказал он, отводя от ее лица волосы. – Ты знаешь об этом?

– Теперь знаю, – улыбнулась она.

– Ты сама как солнце. Что ты делаешь сегодня?

– Сегодня? – удивилась Валя. – Ну я не знаю... Ой, Ванька, у меня уже губы болят!

– Я тебе свидание хотел назначить.

– Пожалуйста, назначай! – великодушно сказала она. – Сколько угодно!

– Нет, я передумал, – сварливым голосом произнес он. – Лучше не так... лучше ты вообще не уходи. Ты не уйдешь?

– Нет...

Солнце поднялось уже довольно высоко, а они все сидели и сидели, тесно прижавшись друг к другу, не в силах расцепить своих объятий. Мимо прошел рыбак с удочкой в руке, в высоких резиновых сапогах и со щетиной на лице, больше похожей на проросшую проволоку, чем на обычные волосы. Он с изумлением посмотрел на них и сказал стандартное:

– Совсем стыд потеряли...

И осуждение, и зависть, и тоска об ушедшей юности – все было в этой короткой фразе. Иван с Валею проводили его взглядом, но разорвать объятий все равно не смогли.

– Надо идти, – шепотом сказала Валя.

– Ты же обещала! – возмутился Иван.

– Нет, правда, надо. Мама будет волноваться, я знаю, и воображать всякие ужасы. Она всегда воображает всякие ужасы, когда меня долго нет дома. Слушай, а ты Илье скажешь?

– О чем?

– О нас.

– Нет. Зачем? Ему-то какое дело... – пожал Иван плечами.

– Я ему не нравлюсь.

– Мне-то какое дело! Зато ты мне очень нравишься...

– Ванечка... – счастливо потянулась она.

В начале седьмого они наконец нашли в себе силы встать и отправились в сторону поселка. Мимо прошла чета отдыхающих – любители раннего купания, с полотенцами на плечах.

– Если ехать в соцстраны по приглашению, то тебе, Генрих, поменяют пятьсот рублей, – громко говорила дама своему спутнику. – А в капстраны – двести. И все – ни больше ни меньше.

– А если я собираюсь сначала в Англию, а потом в Испанию? – скрипучим голосом спросил мужчина. – Тыщу мне поменяют?

– Генрих, да я тебе со вчерашнего вечера пытаюсь растолковать – сумма для обмена не зависит от количества поездок... В год! В год тебе поменяют только двести рублей!

– Мусечка, это ужасно. Мне сначала надо в Англию, а потом в Испанию...

– Нет, я так не могу! – с отчаянием прошептал Иван и резко свернул с дороги в кусты. – Иди сюда...

– Ой, Ваня, ты куда? – удивилась Валя.

– Иди сюда...

Близко гудел шмель, пронзительно пахло жимолостью. Они целовались в кустах, как безумные, и Валя не слышала ничего, кроме шума в ушах, – так стучало у нее сердце.

– Все, все, пожалуйста, больше нельзя...

Они вылезли из кустов красные, вспотевшие и, держась за руки, побрели дальше.

– Я спать хочу, – сказала Валя, пошатываясь. – А ты?

– И я.

– Тогда до вечера?

– До вечера...

Дома еще никто не вставал, было тихо. Валя прокралась в свою комнату, бухнулась в постель. Сон моментально сомкнул ее глаза, но даже сквозь навалившуюся дрему она рвалась всей душой к Ивану, даже в сновидениях не хотела расставаться с ним. А потом – словно провалилась в глубокий черный колодец, у которого не было дна...

* * *

– Нигде, ну нигде нет справедливости! – с чувством воскликнула Анна Михайловна. – Пусть хоть она сто раз импортная, из Германии и все такое... Но если госцена у этой куртки сто десять рублей, то зачем же ее продают за сто шестьдесят?!

– Неужели за сто шестьдесят? – ахнула Клавдия Петровна. – И ты купила?

– Купила, – скорбно, после паузы, призналась ее собеседница. – А что делать?

– Анюта, это в корне неверно, ты же своим поступком поддержала спекулянтов!

– А что, я должна была взять отечественную? Клавочка, там внесли и наши куртки, но такие, что на них без слез смотреть было нельзя. Зеленого цвета, рукава фонариком, талия на бедрах – просто тихий ужас! А вот тут у тебя чего, в этой кастрюльке? Надо же, гречка!.. Ее же днем с огнем не сыщешь... – мечтательно произнесла Анна Михайловна.

– А мне троюродная сестра из Ленинграда прислала. Давай я тебе тарелочку положу... Мои-то и не едят почти ничего. Что та, что этот...

– Нет, нет, нет, я навязываться не буду... ну разве что одну ложечку... Клава, а ты слышала, что Ленинград хотят переименовать?

– Слышала. Сестра писала... Типа, все как раньше, до революции – назовут Санкт-Петербургом. Санкт-Петербург... Сан-к-т... Язык можно сломать!

– Да и смешно как-то... Нет, не стоит к этому серьезно относиться! Был Ленинград, и пускай еще тыщу лет Ленинградом остается.

– Вот-вот, и сестра против. Говорит, после того, как город блокаду пережил, его вообще трогать нельзя. Ишь придумали – Санкт-Петербург! Тебе еще подложить?

– Нет, нет, нет! При моем пятьдесят четвертом размере просить добавки – просто преступление...

Валина мама включила переносной черно-белый телевизор, который стоял на веранде, покрутила антенну. На экране скакали полосы, звук надсадно шипел.

– Черт, не видно ничего... – с досадой сказала Клавдия Петровна. – Совсем не ловит сигнал!

– Вот вроде бы когда вправо, ничего... Клава!

– Что?

– Клава, это же Кашпировский!

– Да ну... – недоверчиво пробормотала та, продолжая настраивать изображение. – Ой, и правда... Кашпировский!

Они дружно уставились на экран. Сквозь помехи прорывался голос знаменитого на всю страну психотерапевта, отвечавшего на вопросы какого-то корреспондента.

– Правду ли говорят, что вы можете вылечить любого? – спросил журналист, который брал у Кашпировского интервью.

– Нет, всех я вылечить не могу, – решительно ответил тот. – Например, если в зале сто человек, то вылечу только пятьдесят из них или шестьдесят.

– Это как лотерея?

– Да, можно сравнить и с лотереей, причем – с весьма эффективной.

– Над чем вы сейчас работаете? – спросил журналист почтительно.

– Сейчас я в основном стараюсь лечить болезни тела. Но, досконально изучив психологию толпы, иногда даю установки, касающиеся только психики: не ругайтесь, не деритесь, не курите...

– Великий человек... – пробормотала Анна Михайловна, неотрывно глядя на экран. – Да, Клабочка? Настоящий гений... Мы, обычные врачи, ему и в подметки не годимся. Он – человек будущего!

– Что вы считаете своим главным достижением? – спросил журналист.

– Я добился излечения многих соматических заболеваний, болезней, которые лечились только скальпелем, а теперь нож хирурга и не нужен...

– Как бы я хотела попасть к нему! – завороченно пробормотала Анна Михайловна. – Говорят, после приема у него женщины начинают худеть. Я мечтаю сбросить килограммов двадцать, нет, даже тридцать!

«Как надоели они с этим Кашпировским!» – с досадой подумала, проснувшись наконец, Валя. Она вылезла из окна и пошла на задний двор – там, где они любили сидеть с Лидой. В мыслях опять был Иван, только Иван...

– Пирогова! – закричала через забор Лида. – Вот ты где...

– Имей в виду, что я на тебя обиделась! – весело ответила ей Валя.

– За что? Ах да, я же проспала... Валька, прости меня, но встать в три часа утра было выше моих сил! А ты ходила на Иволгу? Илья там был?

– Ладно, иди сюда...

Лида змейкой проскользнула сквозь щель в заборе и побежала к подруге.

– Черт, опять в крапиву попала... Валька, да ты скажи – был Илья или нет? – нетерпеливо переспросила она.

– Нет. Наверное, тоже проспал... Только мы с Ванечкой.

– Ах, только вы с Ванечкой... – Лида села рядом с подругой, заглянула той в лицо. – Пирогова...

– Что? Ну что ты на меня так уставилась? – захохотала Валя, не в силах притворяться – счастье так и лилось из ее глаз.

– Что-то было, да? – шепотом спросила Лида.

– Было... То есть что ты имеешь в виду? – испугалась Валя. – Мы просто целовались. И еще он сказал, что любит меня. Милый, хороший, самый замечательный Ванечка!..

– Какая ты глупая... Ладно, проехали. Так он прямо признался, да?

– Да!

– Пирогова, пожалуйста, будь осторожнее, – снова серьезно, как взрослая, произнесла Лида. – У вас все происходит слишком быстро...

– О чем ты? Ах, опять об этом... Лидка, это пошло! Я вот тебе о чем хочу сказать, правда, не знаю, поймешь ли ты меня...

– Конечно, пойму! Рассказывай...

Валя задумалась на мгновение перед тем, как начать.

– Вот люди вокруг, да?.. – она провела рукой окрест.

– Никого рядом нет, – проворчала под нос Лида. – Ладно, люди... Ну и что дальше?

– Все они чужие... То есть – ты, мама, дед – вы, конечно, не чужие... Но все равно – почему вдруг появился человек, к которому я стремлюсь сильнее всего? Совсем недавно я даже не думала о Ванечке, и его существование на этом свете совсем не волновало меня. Есть ли он, нет ли его...

– Ванечка, Ванечке... – фыркнула Лида. – Перестань сюсюкать, Пирогова! Этот Ванечка – вполне взрослый парень. Почти мужчина, можно сказать. А ты все Ванечка, Ванечка...

– Лида, я бы за него замуж вышла, – радостно призналась Валя.

– Дура, сначала школу закончи.

– Какая ты... какая ты прагматичная! Конечно, школу я закончу, куда она денется...

Они замолчали, и обе глубоко задумались о чем-то. Ярко-желтая бабочка вилась рядом, то садясь на листья, то снова вспархивая.

– Пошли на речку! – предложила Лида.

– И на речку не хочу... Знаешь, у меня такое чувство, будто я в дурмане в каком-то, – призналась Валя.

– Это из-за Ванечки твоего?

– Да, наверное. Я могу думать только о нем, говорить только о нем, и снится он мне все время...

Они снова замолчали и долго сидели на лавочке, погруженные в летний расслабляющий зной. Им ничего не хотелось, и было почему-то немножко тревожно, хотя обе они были переполнены любовью.

– Ты счастливая... – пробормотала Лида. – У тебя все определенно, Ванечка тебе в любви признался, и вы целовались. А я до сих пор не знаю, как ко мне Илья относится.

– Кажется, ты ему нравишься, – лениво откликнулась Валя.

– Вот именно – кажется! А мне определенность нужна...

– Так спроси его...

– С ума сошла! – вяло рассердилась Лида. – Как ты себе это представляешь? Я что, должна подойти к нему и вот так с порога брякнуть: «Дорогой мой Илюшенька (я тоже, по твоему примеру, начну сюсюкать)... Дорогой мой Илюшенька, было бы интересно знать, как ты ко мне относишься!»

– А что?

– А ничего! Нет, ты определенно не знаешь законов, которые бытуют в обществе, – надменно произнесла Лида, выпрямляя спину. – Есть вещи, о которых не принято говорить. Особенно если люди совсем недавно познакомились.

– Ну тогда ни о чем не спрашивай...

– Какая ты глупая! – рассердилась Лида уже всерьез. – Все, мне надоело в этих кустах сидеть! Пойду на речку, а ты как хочешь...

Валя побрела в сторону дома, обогнула его. Мать куда-то исчезла вместе с соседкой, и вместо них на веранде сидел Арсений Никитич.

– Что читаешь? – спросила Валя. Она села рядом с дедом, положила ему голову на плечо.

– Да вот, книжку одну интересную... – немедленно отозвался дед, вытирая платком блестящую лысину. – Ты послушай, Валя, как рассуждали древние об основе жизни.

– Какой такой основе?

– Ну из чего зародился мир... Гераклит первоосновой считал огонь. Анаксимен – воздух, Ксенофан – землю... Фалес Милетский – воду. Древние философы спорили о том, что важнее – огонь, вода, земля или воздух.

– Ты, конечно, согласен с тем, что первоосновой является вода. Я угадала? – засмеялась Валя, вспоминая, как ранним утром они с Иваном сидели у Иволги, покрытой холодной серой рябью.

– Да. Тут я полностью согласен с Фалесом Милетским, который голосовал именно за эту стихию. Он еще две с половиной тысячи лет назад обратил внимание на то, что вода является единственным веществом, которое в естественных условиях встречается в трех состояниях – жидком, твердом и газообразном. Исходя из этого, древнегреческий философ сделал вывод, что все в мире состоит из воды и в нее в конечном счете превращается. Все предметы – ее проявления.

– Кто бы сомневался! – хихикнула Валя.

– А ты знаешь, что без пищи человек может прожить тридцать-пятьдесят дней, а без воды – всего три дня?

– Не может быть! – недоверчиво воскликнула Валя. – Неужели всего три дня?

– Да!

– Значит, всюду и всегда вода, в самых разных состояниях... – задумалась она. – Дед, ты мне тогда скажи, почему снег – белый, а море – синее? Это же одно и то же вещество.

– Хороший вопрос... Я тебе отвечу. Слой снежинок преломляет солнечный луч и отражает все его семь цветов, поэтому снег белый. Море синее, потому что толща воды поглощает шесть цветов солнечного луча, а преломляет и отражает один – синий.

– Боже, как просто! – воскликнула Валя. – Но ты мне лучше вот что скажи – сколько воды может в день выпить человек, а? Не знаешь?

– Отчего же... В зависимости от климата – от полутора до шести литров... Шестидесят тысяч литров – за всю жизнь.

– Так много? – поразились Валя. – Нет, пожалуй, шесть литров я за день не выпью... Лопну.

Вале нравилось болтать с Арсением Никитичем – он никогда не ленился отвечать на все ее бесчисленные «почему?».

– А еще чего-нибудь расскажи, – попросила она, дергая деда за рукав.

– Еще? – задумался он. – А ты вот знаешь, например, сколько в мире пресной воды?

– Пресной? Половина, наверное... Половина на земле морской воды, половина – пресной. Ой, хотя нет – морской должно быть больше, да?

– Пресной воды на земле – всего три процента. Причем большая ее часть – восемьдесят пять процентов – находится на полюсах Земли в виде ледников и айсбергов.

– Правда? Господи, дед, мы же все от жажды скоро умрем! – испугалась Валя. – Если каждый человек выпивает за жизнь по шестидесят тысяч литров, а пресной воды всего три процента, да еще в виде всяких айсбергов...

– Кстати, в шестнадцатом веке Елизавета Первая, королева Англии, объявила премию за изобретение дешевого способа опреснения морской воды.

– Ну слава богу! – вздохнула с облегчением Валя. – Вручили ее, эту премию?

– Нет пока еще...

– Тьфу ты!

На веранду с озабоченным видом вышла Клавдия Петровна.

– О чем вы тут болтаете?

– Мы не болтаем, мы рассуждаем о серьезных материях, – важно произнесла Валя.

– Понятно...

Вале иногда казалось, что мать ее немного ревнует к Арсению Никитичу – именно потому, что сама Клавдия Петровна считала «серьезными материями» совершенно другие вещи. «Без меня бы они пропали, – как-то в минуту откровенности сказала она своей соседке Анне Михайловне. – Неприспособленные люди... Где чего достать – из продуктов там или из одежды, – все я, все я... Такие, знаешь, Аня, птички небесные!»

– О том, что вода является первоисточником жизни, – вежливо кивнул Арсений Никитич.

– Понятно... тут я согласна. Кстати, огород бы надо полить, а то он совсем зачахнет.

И тут Валя увидела Ивана – между кустов, за забором мелькнуло его озабоченное лицо.

– Говорят, поливать надо в соответствии со звездами, – пробормотала Клавдия Петровна.

– Я слышал о том, что астрология дает рекомендации по уходу за растительным миром с учетом прохождения Луны в знаках Зодиака, – кивнул Арсений Никитич. – Небесные тела влияют на органический мир.

– Ну вот, а говорили, что не верите ни во что сверхъестественное!

– Да нет тут ничего сверхъестественного, дорогая Клава! Просто энергетические свойства воды, которые меняются в зависимости от расположения планет в пространстве, оказывают разное влияние на биохимические процессы в органическом мире. Это же и ребенку должно быть понятно. А энергетика небесных тел воздействует на энергетику воды, которая находится во внеклеточной среде, и определяет протекание биохимических процессов в растительном мире...

– Нет, все, невозможно! – вздохнула Клавдия Петровна. – Я сейчас с ума сойду, это точно! Вы мне лучше скажите, папа, – поливать огород сейчас или черт с ним, пусть сохнет?

Пока ближайшие родственники препирались, Валя незаметно удрала. Она знала, что там, на веранде, ее не видно за густо разросшейся растительностью.

– Иди сюда! – громким шепотом позвала она Ваню.

– Валька! – обрадовался он. – Валька, привет!

– Привет-привет! Ты чего?

– Я тебя ищу. А что за скрытность такая?

– Да ну их, они сейчас на сельскохозяйственные темы разговаривают... И вообще...

– Ты что, стесняешься меня?

– Нет, что ты! Просто если мама узнает, что я с тобой не просто так встречаюсь, то прилипнет с расспросами.

– Не просто так? А как? – засмеялся он.

– Дай руку... – она просунула руку в щель между досками забора и сжала жесткую юношескую ладонь. – Вот так.

Иван наклонился и потерся носом об ее руку.

– Ты чего? – удивилась она.

– Просто... Я соскучился. Иди ко мне.

– Опять? – строго спросила Валя, что значило – «опять ты будешь приставать ко мне со своими поцелуями?».

– Опять.

– Нет уж! Пойдем на речку, там меня Лида ждет. И Илья, наверное, тоже...

- Илья уже в Москву, поди, уехал! Ему сегодня надо было...
- Да без разницы... В общем, ты иди, а я буду там минут через пятнадцать-двадцать.
- Слушаю и повинуюсь...

Валя вернулась в дом и начала быстро собирать сумку, с которой обычно ходила на пляж. Положила полотенце, кепку с большим козырьком, пластмассового красного медвежонка, которого она везде таскала с собой в качестве талисмана...

– Нет, это лишнее, пожалуй, – нерешительно прошептала Валя и вытащила медвежонка обратно.

Большое зеркало в старом платяном шкафу отразило высокую девушку с бледным лицом и лихорадочно горящими глазами. Темные волосы были опять спутаны и беспорядочными прядями лежали на груди. «Я ли это? – радостно и вместе с тем испуганно подумала Валя, глядя на свое отражение. – Да, я. Такой взрослой девушке стыдно играть в игрушки...»

Она медленно провела расческой по волосам, карандашом чуть усилила линию бровей, а то они показались ей какими-то несерьезными. Вгляделась в свои черты – нос, пожалуй, чуть великоват, у Лиды он гораздо лучше – с тонкой переносицей, задорный и очаровательный, но зато у Вали скулы, как у Марлен Дитрих. Так, во всяком случае, утверждала Клавдия Петровна. Валя ничего не знала про Марлен Дитрих, но все равно сравнение ей льстило.

Она выскользнула из дома.

Солнце стояло еще довольно высоко, но в воздухе уже чувствовался какой-то особенный, легкий, вечерний запах. От дневной лени не осталось и следа – наоборот, Валя чувствовала себя особенно бодро. «Ваня и Валя. Валя и Ваня... Рассвет и закат. Всегда вместе».

Она шла по пустой улочке вдоль чьего-то высокого сплошного забора и вдруг увидела, что ей навстречу, в сторону станции, движется Илья. «Значит, еще не уехал...» – машинально подумала она.

Валя не то что бы перестала испытывать теперь к нему неприязнь (да особой неприязни, если разобраться, в общем-то, и не было – она просто инстинктивно, сразу поняла, что с Ильей они разные люди), но как-то забыла о нем. Впрочем, она забыла о многом после сегодняшнего утра, после восхода солнца, встреченного вместе с Ваней на берегу Иволги.

– Какие люди... – без всякого выражения произнес Илья, поднимая на девушку внимательный тяжелый взгляд. «Мимические особенности лица...» – рассеянно подумала она об этой постоянной мрачности парня.

– Добрый вечер, Илюша. Ты на станцию?

– Да. Пора.

– Что же ты рассвет не пришел встречать? – укоризненно спросила она. – Мы одни с Ваней были.

– Да знаю... – какая-то тень пробежала по его лицу. – А ты куда сейчас?

– На Иволгу. Там Ванеч... то есть Ваня, и Лида тоже. Меня ждут.

– А-а...

Черты лица у Ильи были резкие, грубые, но не неприятные. «Пожалуй, он даже красив», – почему-то опять подумала Валя. Темные волосы над высоким бледным лбом. Джинсы, футболка, пыльные сандалии, спортивная сумка через плечо...

– Ладно, ни пуха ни пера... – быстро сказала она, намереваясь проскользнуть вдоль забора.

– Погоди. Я еще хотел тебя кое о чем спросить...

– Может быть, ты Лиде привет хочешь передать? – бесхитростно спросила Валя.

– Кому?

– Лиде, Лиде привет передать...

– Хорошо, передай привет Лиде. Да, и еще Ивану...

– Обязательно! – улыбнулась она.

– И дяде Пете. И тете Свете... И братцу-кролику...

Наконец она поняла, что он посмеивается над ней – все с тем же мрачным, тяжелым выражением на лице. «Нет, все-таки он противный! – с досадой подумала Валя. – Я его не понимаю совершенно... Вот, спрашивается, чего он такой сейчас недовольный?»

– Ты шутишь... – она сделала шаг вперед и оказалась между Ильей и забором. Он даже не отодвинулся в сторону, чтобы освободить проход, а еще пристальнее уставился на нее все тем же странным, как будто неприязненным взглядом.

– Валя...

– Что? Ты вспомнил, что хотел спросить?

– У вас что, роман с Ванькой?

Вопрос был в высшей степени бесцеремонный, и первым порывом Вали было осадить Илью – какое ему дело, у кого с кем роман! Но потом она передумала.

– А тебе это интересно? – кротко спросила она.

– Нет.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Просто... – пожал он плечами. – Я просто так спрашиваю. О чем-то же надо говорить, правда?

– Правда. Можно и о погоде, например... Завтра плюс двадцать пять – двадцать семь, дожди маловероятны, ветер юго-западный.

– Какой ветер?

– Юго-западный! Ты на электричку опоздаешь, – напонила она.

– Они сейчас через каждые десять минут, – посмотрел он на часы.

– Ну и что? Вдруг отменяют... А тебе рисковать нельзя – экзамен же завтра.

Он молчал, ничего не отвечая, стоял почти вплотную и продолжал пристально разглядывать Вальку, и она не выдержала, сделала шаг вперед, тихо сказав:

– Ладно, иди. Мне надоело тут стоять.

Она набралась решимости и оттолкнула Илью, упершись ладонями в его грудь. Он был сильный, крепкий, и сдвинуть его с места было не так-то легко. Но он вдруг сам отступил и сказал:

– Ладно, Валька, пока. Все-таки ты необщительная личность.

Произнес он это без всякого раздражения, Вале показалось – добродушно даже, как старый приятель, и потому она, обернувшись, весело закричала ему:

– Вы не правы, товарищ! Еще никто и никогда не называл меня необщительной!

– Пока! До послезавтра! – махнул он рукой.

На берегу речки сидели Лида с Ваней и лениво резались в карты.

– Пришла! – обрадовался Иван.

– Валька, ты где пропадала, мы тебя уже сто лет ждем! – закричала Лида сердито.

От того, что сейчас они были втроем, все было немного по-другому. Они купались и загорали под оранжевыми лучами вечернего солнца, потом долго сидели на краю старого разбитого моста, находившегося ниже по течению Иволги, болтали ногами в воде и обсуждали фильм «Пятница, 13», который смотрели у своих знакомых на видео.

– Кстати, а сколько стоит видеоманитон? – с любопытством спросила Валя.

– Кажется, тысяч шесть, – пожала плечами Лида. – Нам он не светит.

– Разве шесть? – с удивлением спросил Иван. – По-моему, меньше...

– Точно, это я вам говорю! – возмутилась Лида. – Хороший импортный аппарат именно столько и стоит. Да его еще и не достать...

– А сходить в видеосалон – рубль, – заметила Валя. – Какая разница, где фильм смотреть – у себя дома или в каком-то другом месте?

Они разошлись поздно вечером.

На прощание Иван хотел поцеловать Валу, но рядом была Лида, которая смотрела на них с любопытством и насмешкой, словно не одобряя все эти «телячьи нежности».

– Потом, потом! – засмеялась Валя, отворачивая лицо. – Отстань, Ванечка...

– «Ванечка»... – передразнила подругу Лида. – Так вот, Ванечка... Приходите завтра, молодой человек!

* * *

Был уже совсем поздний вечер – одиннадцатый час, но еще не стемнело – стояли долгие июньские дни. Валя читала книгу у лампы и отмахивалась от мелких мошек, которые летели на свет. В руках у нее был «Черный обелиск» Ремарка.

Вдруг ставни едва слышно стукнули друг о друга.

– Ой, кто там? – прошептала она. – Ваня?

Это был он – стоял внизу, уцепившись руками за карниз, и тянул шею, стремясь разглядеть, что творится в комнате. На подоконнике лежал букет полевых цветов, очень сильно напоминающий веник.

– Ванечка, как мило! – Валя выключила свет и села на подоконник, отчего ее длинные волосы опустились вниз, прямо к его лицу. – Ты принес цветы...

– Мне очень жаль, что это не розы! – прошептал он. – Ты, наверное, розы любишь...

– Мне все равно. То есть я все цветы люблю! – с восторгом призналась она. – И потом, ты знаешь, мне еще не дарили цветов.

– Никто и никогда?

– Никто и никогда! Как ты сюда пробрался?

– Я же помню ту доску в заборе, которая легко отодвигается в сторону.

В полутьме он казался нереально красивым – черты лица были четкими, волосы завитками лежали на висках и на лбу. Валя опустила руку и погладила его по голове.

– Ванечка, хороший мальчик...

– Ты меня еще любишь?

– Люблю...

– Это хорошо. Я все боялся, что ты меня разлюбила...

– Так быстро я не смогу тебя разлюбить!

– Пусты меня к себе, – вдруг попросил он.

У Вали мурашки пробежали по спине – она сама хотела быть с ним рядом, ближе, как можно ближе. Но она сердито сказала:

– Ты с ума сошел! Там мама спит, у нее очень чуткий сон.

– Пусты!

– Да нет же, глупый...

– Тогда дай руку, зачем ты ее убрала! – тоже сердито прошептал он.

Валя опустила руку вниз – он прижал ее ладонь к своему лицу, поцеловал.

– Почему ты меня сегодня оттолкнула? – упрекнул он.

– Я тебя не отталкивала, просто Лидка смотрела...

– Я, наверное, с ума сошел. Я все время думаю о тебе! Хочешь, я всю ночь буду сидеть тут, под окном?

– Зачем? – засмеялась Валя.

– Чтобы просто быть рядом.

Битый час они шептались, протянув друг к другу руки, пока Вале не показалось, что Клавдия Петровна ворочается в соседней комнате.

– Все, иди! – испуганно прошептала она. – Мне будет очень неловко, если нас обнаружат в таком положении!

– В каком таком положении? Мы же ничего плохого не делаем!

– Я знаю, что ничего плохого, но все равно...

Она прогнала его, но тут же, едва он исчез за темными кустами, пожалела об этом. «Может быть, он сейчас вернется?» – с надеждой подумала она, вглядываясь в ночной сад. Из-за облаков выплыла луна, осветила все вокруг – его не было, он ушел.

Валя прекрасно знала, что завтра они увидятся, но все равно – ей стало так невыносимо грустно, что она заплакала. Она и сама не понимала, от горя или от радости она плачет – просто слезы лились, и все...

* * *

– Ну вот июнь уже прошел! – с досадой произнесла Лида. – Тебе не кажется, Пирогова, что время как-то чересчур быстро мчится? Вот так и вся жизнь пройдет...

– Да, еще чуть-чуть – и мы станем старухами, – вздохнула Валя.

– Ты вот, например, представляешь себя двадцатилетней? Хотя нет, быть двадцатилетней еще не так страшно... А лет в тридцать ты себя представляешь, а?

Валя задумалась.

– Тридцать лет... – страдальчески сдвинув брови, тихо произнесла она. – Боже мой, тридцать лет! Первые морщины и первые седые волосы... Морщины ведь именно в эти годы появляются, да?

– А лишний вес! – напомнила Лида. – Все старые тетки – толстые. Глупые толстые тетки, которые вечно бегают с авоськами и полдня проводят, стоя в очередях.

Валя не могла представить себя толстой. Сколько она себя помнила, она была тоненькой и легкой, словно балерина. Она посмотрела на свои руки, оглядела ноги, попыталась вообразить, как они будут выглядеть, если на них наклеить несколько килограммов жира, – и не смогла.

– Я никогда не буду толстой! – сердито воскликнула она.

– Да-а, все так говорят... Ладно, идем дальше, а то здесь весь берег занят.

На эти выходные приехало очень много дачников – они оккупировали пляж, разводили костры, делали шашлыки, играли в волейбол и пили из пластмассовых стаканчиков водку.

По узкой тропинке девушки поднялись высоко вверх. Здесь берег был неудобный, обрывистый, зато людей почти не было. Расстелили полотенца и улеглись на них.

– Где же Ванечка твой? – насмешливо спросила Лида.

– До вечера он помогает матери – они там что-то делают на своем участке. А что?

– Да нет, ничего. Просто удивляюсь, что сегодня мы проводим время без его общества...

– Ты ревнуешь?

– Делать мне нечего! Ходит, как привязанный...

– Скажи лучше, что ты тоже так хотела бы, – довольно произнесла Валя.

– Как – так?

– Чтобы и Илья ходил за тобой с утра до вечера.

– Он и ходит, когда у него время есть, – с раздражением возразила Лида. – Пирогова, не забывай – он взрослый человек, он не привык зря время тратить. Кстати, он вчера признался мне, что я ему нравлюсь.

– Ты серьезно? – подскочила от удивления Валя. – Лидка, ты же так его обожаешь, и вот наконец-то...

Лида тоже села, сдвинула очки на лоб.

– Нехилый домишко, – сказала она, глядя на противоположный берег.

– А, ты про этот... Там адвокат один живет, очень известный, – понимающе кивнула Валя. – Гуров его фамилия.

– Да знаю я... – отмахнулась Лида. – Мы тут раньше вас живем, поэтому я лучше тебя все знаю.

Иволга в этом месте была неширокой, и дом Гурова хорошо просматривался с косогора, на котором сидели девушки. За добротным каменным забором со столбами, на которых стояли вазоны с цветами, виднелся старинный дом с розовыми колоннами, красивый, словно декорация в кино. Настолько красивый, что Валя с трудом представляла, как там могут жить люди. Наверное, они едят на серебряных тарелках, и в каждой комнате у них по видеоманитфону...

Она смотрела на дом как зачарованная, и постепенно воображение у нее разыгралось. Валя представила себе Гурова – благородного строгого старика, его жену (ну как же без жены!) – тоже пожилую женщину чрезвычайно благородного вида. Вот они принимают у себя мать Вани и самого Ваню, помогают ему, и тот с помощью старика-адвоката становится тоже известным адвокатом, и Гуров, который к тому времени полюбил Ваню, словно родного сына (Валя не встречала еще ни одного человека, который относился бы к Ване плохо!), завещает дом ему. И однажды, спустя много лет, они вдвоем входят во двор этого дома, который к тому времени уже принадлежит Ване, и Ваня спрашивает: «Валя, тебе здесь нравится?»

«Нет, не годится! – нахмурилась она. – Пусть старичок живет, а мы с Ваней уж как-нибудь обойдемся без этих розовых колонн и глиняных вазонов!»

– Пирогова, ты чего задумалась? – толкнула ее локтем Лида. – Опять какую-нибудь историю воображаешь?

– Так, глупости... – покраснела Валя.

– Кстати, вот и Гуров. Нечасто он сюда приезжает...

– Где? – всполошилась Валя, вытягивая шею. – Это Гуров? Не может быть!

Валя неоднократно слышала об этом человеке, но только сейчас впервые его увидела.

– Глупенькая, я же всех тут знаю! – обиделась Лида. – Это и есть Гуров собственной персоной! А вон его жена и дочка...

Из ворот старинного особняка вышла троица в сопровождении веселого коккер-спаниеля золотисто-рыжей расцветки. Пес весело носился вокруг них, прыгал, пытался ловить бабочек, потом упал на траву и принялся кататься по ней...

Филиппа Аскольдовича Гурова ни при каком раскладе нельзя было назвать стариком. Расстояние было довольно приличное, но все же Валя даже так, издали, поняла, что ему не больше сорока пяти лет. Невысокий, спортивного сложения, в шикарных темных очках, он держался как человек, хорошо знающий себе цену. Одет он был весьма скромно – светлые шорты до колен и красная майка с какой-то надписью на груди, но Валя, хоть и не разбиралась во всех этих тонкостях, моментально почувствовала, что куплена его одежда не в соседнем сельпо и даже не в ГУМе, а либо в «Березке», либо непосредственно за границей.

Жена Гурова тоже никак не напоминала благородную старую даму, какой ее только что вообразила себе Валя. Она была весьма моложава, подтянута, в светлом спортивном костюме без рукавов, с короткой светлой стрижкой под мальчика. Правда, она не улыбалась и выглядела довольно надменной.

– Мы с их Марьяной когда-то даже гуляли вместе. Правда, сто лет назад, – сказала Лида, тоже с любопытством наблюдая за троицей на противоположном берегу. – Она неплохая девчонка, но очень папашу своего боится.

– С какой Марьяной? – спросила Валя.

– Дочь Гурова зовут Марьяной. Эй, привет! – громко крикнула Лида и помахала девушке на том берегу. – Может, узнает меня...

Но Марьяна Лиду не узнала. Вернее, она даже не стала смотреть в ее сторону.

– Нет, не узнала, – без всякого сожаления произнесла Лида. – Или просто зазналась.

– Сколько ей лет? – спросила Валя.

– Да нам с тобой ровесница...

– А почему она отца своего боится? – замороженно спросила Валя.

– Он строгий очень. От всех всегда требует, чтобы они точно знали, чего хотят, а Марьяна не всегда это знает. Принципиальный.

– А что все должны знать?

– Ну по жизни, по работе... даже в мелочах чтобы был порядок. Вот, например, лет шесть назад попросила Марьяна отца собаку купить. Купил он – вот этого, Джоя как раз, и вдруг выяснилось, что Марьяне он не нравится, а хочет она совсем другого пса – ну, типа дога или добермана. Джой слишком ластится ко всем и вообще какой-то дурной. Заполошный.

– Он очень милый... – задумчиво пробормотала Валя, глядя, как Джой носится взад-вперед по берегу.

– Милый-то милый, но она, оказывается, чего-то другого от собаки хотела! Этого даже лапу давать не смогли научить! И что же? Гуров, при его-то деньгах, хоть сто собак мог купить. Но нет же! Раз ты выбрала тогда именно этого песика, то и живи с ним. Исправить ошибку уже нельзя. И во всем прочем Гуров такой.

– Наверное, это правильно, – сказала Валя.

– Ну, в случае с Джоем, наверное, и правильно, – кивнула Лида. – Только Марьяне от этого не легче. Если она, например, в институт какой поступит и поймет через некоторое время, что профессия, которую она должна будет получить, ей разонравилась, Гуров ее заставит до конца доучиться. Такой человек!

– А она симпатичная...

– Марьяна? Да, ничего...

Дочь Гурова напоминала цыганку – с темными кудрявыми волосами до плеч, огромными красными сережками и в красном же платье с широкой юбкой. Она произвела на Валию какое-то странное, двойственное впечатление – с одной стороны, Марьяна казалась спокойной и доброй девушкой, с которой, должно быть, очень приятно общаться, но с другой – именно потому она вызвала у Валии страх. Эта девушка была слишком яркой. Наверное, она нравится всем, и Ваня...

Марьяна ходила вдоль берега с собакой, а Гуров с женой затеяли играть в бадминтон. Правда, поднявшийся ветер все время мешал им, и воланчик улетал далеко в сторону.

К воротам дома подкатила большая блестящая машина.

– «Мерседес», – вздохнула Лида.

– Откуда ты знаешь?

– Я все знаю. Это именно «Мерседес»! К Гуровым часто какие-то известные личности приезжают. У Гуровых тоже есть иномарка, не хуже этой, кстати.

В те времена не так часто можно было увидеть столь красивую машину. «И друзья у этих Гуровых какие-то особенные!» – с удивлением подумала Валя.

Из машины вылезла семейная пара – явно ровесники отца семейства. Последовали поцелуи, пожатия рук, веселые возгласы, обрывки которых доносились и до девушек на этом берегу. Филипп Аскольдович вел себя непринужденно и вместе с тем с достоинством. Подобные манеры Валя видела разве что в кино, у английских лордов.

Марьяна ходила вдоль берега, и ветер раздувал подол ее широкой красной юбки.

– Пойдем искупаемся? – предложила Лида, которой уже надоело лежать на солнце. – Ты чего, Пирогова? Тебя как будто пыльным мешком по голове стукнули!

– Нет, я ничего... Я просто думаю, как хорошо живется некоторым людям. Вот эти Гуровы – такие счастливые, спокойные... Наверное, они никогда не думают о деньгах, о том, как дожить до следующей полочки.

– Ясное дело, не думают! – энергично согласилась Лида. – По ним видно.

– Ты бы хотела жить так же, как они?

– Еще бы! Все хотели бы...

* * *

Валя медленно шла по пыльной дороге от автолавки. У нее немного болела голова – оттого, что долго пришлось стоять в очереди на солнцепеке. Пакет с продуктами оттягивал руку. «Интересно, а как на самом деле Гуровы живут?» – попыталась представить она.

Почему-то все последнее время мысли об этих людях не покидали ее. «Они тоже ходят по магазинам, стоят в очередях? Нет, невозможно представить Марьяну или мадам Гурову, например, что они давятся в очереди за вареной колбасой. Просто невозможно! Скорее всего, у них есть для этих целей какая-нибудь домработница...»

Рядом притормозил желтый «Запорожец».

– Привет, девушка моего друга! – крикнул Илья, выглядывая из окна.

– Привет...

– Ты откуда?

– Сам видишь, – она показала ему большой пакет, из которого торчал батон. «Боже, как все пошло... Если я когда-нибудь стану богатой, то никогда не буду сама ходить по магазинам. Пусть это делают другие люди!»

– Садись, подвезу.

– Нет, – покачала она головой. – Уже близко. Спасибо, Илюша...

Она была в короткой юбке, но он почему-то никакого внимания не обращал на ее загорелые голые ноги. Все ими восхищались (Лидка уже сто раз повторила, что душу отдала бы за такие ноги), только он, Илья, был к ним равнодушен. Странно...

– Брезгуешь? – нахмурился он. – Ну конечно, мы такие гордые, мы не ездим на старых консервных банках...

– Ты чего? – удивилась Валя. – Глупости какие... Ладно, я сяду.

В салоне было душно, пыльно – чего и стремилась избежать Валя. Она бросила свой пакет на заднее сиденье.

– Вези меня, извозчик...

– Вот ты как обо мне! – засмеялся Илья без малейшего намека на веселье. «Запорожец» рывком двинулся с места. – Может быть, немного покатаемся? – предложил он, крутя руль.

– Нет, неохота, – лениво сказала Валя. Ей показалось странным кататься с Ильей без Вани. И без Лиды, которая так любила Илью.

– Чуть-чуть!

– Не хочу.

– Господи, ты такая упрямая! – вдруг разозлился он. – Ты меня что, подозреваешь в чем-то? Скажи честно!

– Ни в чем я тебя не подозреваю... – недовольно пробубнила Валя, глядя в окно. – А ты что, в город на своем автомобиле не выезжаешь?

– Квалификации пока не хватает... Вот я тебя и прошу – прокатимся немного по шоссе.

– Ладно, – сказала Валя.

Они проехали по поселку с другой стороны – туда, где дорога выходила на широкую ровную дорогу.

– Я счастливый человек, – без всякого перехода вдруг произнес Илья. – Вот, сессию сдал. Правда, историю Древнего Рима пришлось пересдавать, но это ерунда...

– Поздравляю. Что там было интересного, в Древнем Риме?..

– Рим пал под натиском варваров. Наступила новая историческая эпоха, именуемая Средневековьем, – коротко произнес Илья. – Средневековье будем изучать в следующем семестре, с осени.

– И все? – поразилась Валя, которая любила длинные истории.

- А что тебе еще надо?
- Подробности!
- Господи, какая ты зануда...
- Сам зануда! Вези меня обратно! – рассердилась Валя.
- Ладно, ладно, прости...

Илья прибавил скорости. Они мчались по пустому шоссе, только ветер свистел в окна.

– Кто бы мог подумать, что эта консервная банка может выжать сто десять... – задумчиво пробормотал он.

– Сто десять? Послушай, мы сейчас далеко заедем... Мне даже страшно! – Валя вдруг засмеялась – ощущение скорости, риска захватило ее. – А еще быстрее?

- Нет, это предел!

Они доехали до следующего населенного пункта, какого-то маленького подмосковного городишки. На краю его стояло открытое летнее кафе.

- Передохнем пять минут? – предложил Илья, увидев его.

- Ладно...

Сели за шаткий пластмассовый столик. Он заказал сок и бутерброды.

- Ты где живешь? – спросил Илья.
- Неужели забыл? – засмеялась Валя.
- Нет, где ты в Москве живешь?
- А зачем тебе?

- Так... Может быть, на Новый год загляну...

- До Нового года еще сто лет!

Илья сидел напротив – спокойный, с взлохмаченной шевелюрой, и Валя не понимала, почему сейчас с ним она, а не Лида. Он маленькими глотками отпивал сок из стаканчика и смотрел куда-то в сторону.

- Тут мухи... – взмолилась через некоторое время Валя. – Мне тут надоело, поехали!

– Да ты еще и капризная! Слушай, никак не ожидал, что у одного человека может быть столько недостатков!

- Да, я такая... – с раздражением произнесла она.

Они сели в машину и поехали, но, как выяснилось по дороге, Илья решил еще завернуть в сторону – туда, где, по его словам, «необыкновенный вид на реку».

- Как ты мне надоел! – совсем уж рассердилась Валя.
- Пять минут! Всего пять минут каких-то лишних...

Он заехал на небольшой холм, с которого и в самом деле открывался прекрасный вид на Иволгу. Было видно, как она течет, изгибаясь, плывет по течению лодка с гребцами, а по берегам стоят дома...

– Да, красиво... – была вынуждена согласиться Валя. – Только отчего мы не все вместе сюда приехали?

- Она села на большой нагретый валун.

- То есть? – спросил Илья.
- Ну еще Лида, Ваня...
- Подумаешь, в другой раз сюда заедем...

Он сел рядом, достал из пачки сигарету, но потом словно забыл про нее – так и держал в отставленной руке.

- Эй, ты заснул? – толкнула его в бок Валя.
- Нет.

Илья бросил сигарету в сторону, повернулся и вдруг обнял Валу. Она не успела опомниться, как он уже целовал ее. «Да что ж это такое!» – хотела она возмутиться, но не смогла

– он держал крепко, словно в тисках. В первый момент Валя зажмурила глаза, а потом, когда открыла их, то увидела лицо Ильи совсем близко перед своими глазами.

Увидела дрожащие, сомкнутые ресницы, темные брови, морщинку на переносице, маленькую родинку на границе с волосами...

Она изо всех сил оттолкнула его.

– Ты... – говорить она не могла, потому что задохнулась – так долог был этот поцелуй.

Илья открыл глаза – темные, большие, по которым ничего нельзя было прочесть. «Темна вода во облацех» – как-то услышала Валя и не поняла тогда, что значила эта старинная поговорка. А теперь словно поняла – это о нем, об Илье, о его глазах...

– Что? – усмехнувшись, спросил он.

– Это свинство, вот что!

Она вскочила и побежала куда глаза глядят. Илья в два прыжка догнал ее, схватил за локоть.

– Ты куда? Да стой ты, господи...

– Пусти меня!

– Валя, отсюда до дома два часа топать, не сходи с ума!

– Ты свинья!!!

– Да, я свинья, – вдруг легко согласился он. – Можешь меня даже стукнуть, если хочешь.

Валя вырвала руку, осмотрела свой локоть.

– Ну вот, теперь синяк будет, ко всему прочему, – горестно констатировала она.

– Валя, прости меня, – решительно произнес он. – Честное слово, это произошло случайно. Ну будет, поехали...

– Случайно? – возмутилась она. – Я вот про себя точно знаю, что я бы тебя никогда случайно не поцеловала, даже если б была в полном беспамятстве!

– Я тебе так противен?

– Нет, но... Ты же знаешь про меня, про Ваню!

– Знаю. Ну прости, прости!

– Ладно, забыли...

Всю обратную дорогу они ехали молча. В голове у Вали была полная каша – она никак не могла понять, как такое могло произойти. Кажется, она никогда особо не нравилась этому Илье, тогда почему он сегодня решил поцеловать ее? «Наверное, и правда, это случайно... Кто их, парней, разберет!»

– Валя...

– Что? – насупилась она.

– Ты ведь не скажешь никому?

– Нет, конечно!

– Я тебя уверяю, это произошло против моей воли... – усмехнувшись, произнес он. – Я серьезно! Условный рефлекс... У тебя слишком короткая юбка, если честно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.